

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

И. А. Чарота

ИОАНН ПИЧЕТА

(1844–1920)

МИНСК
БГУ
2024

УДК 930(476)"19"(092)Пичета В.И.

ББК 63(4Бей)-8Пичета В.И.

Ч-21

*Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Белорусского государственного университета*

Р е ц е н з е н т ы:

доктор философских наук, профессор *Л. Е. Криштапович*

доктор исторических наук, профессор *К. В. Шевченко*

Чарота, И. А.

Ч-21 Иоанн Пичета (1844–1920) / И. А. Чарота. – Минск :
БГУ, 2024. – 95 с. : ил.

ISBN 978-985-881-677-3.

Представлен аналитический очерк жизни и деятельности
Иоанна Пичеты (1844–1920) – серба-герцеговинца, отца первого
ректора Белорусского государственного университета, ректора
Витебской и Полтавской духовных семинарий, историка и пи-
сателя.

Адресовано широкому кругу читателей.

УДК 930(476)"19"(092)Пичета В.И.

ББК 63(4Бей)-8Пичета В.И.

ISBN 978-985-881-677-3

© Чарота И. А., 2024

© БГУ, 2024

ВВОДНОЕ СЛОВО

Едва ли не каждый просвещенный белорус представляет, какое место в истории отечественной науки и образования XX в. принадлежит академику АН БССР и АН СССР Владимиру Ивановичу Пичете (1878–1947). Он является одним из основателей и первым ректором Белорусского государственного университета, что остается поводом для гордости в среде научно-педагогического сообщества БГУ, прежде всего гуманитариев. Авторитет первого ректора не ограничивается географическим пространством Беларуси и ранним советским периодом. Благодаря этому выдающемуся ученому и организатору науки была создана мощная славистическая школа на базе основанной им кафедры истории западных и южных славян в Московском государственном университете, а также еще более важный научный центр в Академии наук СССР, где он возглавил сектор славяноведения Института истории, впоследствии став первым заместителем директора Института славяноведения.

Правда, если стремиться к объективности, следует признать, что со временем отношение к В. И. Пичете как ученому, активно причастному к белорусоведению, становится все более формальным и не отражает должного внимания и почитания. Например, до сих пор при необходимом внимании к сопрягаемости актуального с универсальным как следует не осмыслены его работы, посвященные языку, письменности и культуре белорусского народа: «Белорусский язык как фактор национально-культурный», «Белорусское возрождение в XVI ст.», «Книгопечатание Беларуси в XVI и XVII стст.»

и «Четырехсотлетие белорусского книгопечатания». Вклад Владимира Ивановича в теорию и практику формирования белорусскости, которая была востребована новыми политическими условиями, освещался преимущественно как обусловленный лишь рамками его служебных обязанностей в БГУ и Академии наук БССР. Не меньший интерес представляют его личные контакты с белорусскими писателями (Максим Богданович, Янка Купала, Якуб Колас, Тишка Гартный), языковедами (Язеп Лёсик, Николай Байков, Иосиф Волк-Леванович), прибывшими из России учеными, которые заложили в Советской Беларуси основы научного литературоведения (Евгений Боричевский, Александр Вознесенский, Иван Замотин, Михаил Пиотухович). Ряд смежных вопросов пока тоже остается нерешенным. Как говорят в таких случаях, прикрываясь эвфемистическими отговорками, «ждет внимательных и ответственных исследователей».

Между тем критика утрачивает даже элементарную целесообразность, если не включает одновременно и самокритику. Следовательно, часть ответственности за состояние белорусского пичетоведения довелось принять на себя. Данное издание представляет собой попытку хотя бы частично компенсировать то, что давно следовало выполнить самому как обязательное, поскольку оно имеет непосредственную связь с профессиональными интересами. Причем такая потребность явилась настоящей не только из-за того, что выдающийся славист В. И. Пичета для всех коллег был и остается исключительным авторитетом и образцом как в науке, так и в практических делах по укреплению связей между славянскими народами. У автора этой книги, отдавшего более полувека жизни сербистике, имеется дополнительная мотивация: во-первых, Владимир Иванович по отцовской линии происходил из герцеговинских сербов; во-вторых, его отцом был также ректор – Витебской духовной семинарии, тоже действовавшей на белорусской земле. Очевидно, что нельзя оставить без внимания факт, отнюдь не характерный для условий Беларуси конца XIX – начала XX в.: отец первого ректора советского университета, серб по отцовской линии, также был ректором, но до-советского учебного заведения, и к тому же не светского. Сын,

выдающийся историк-славист, вряд ли мог сформироваться без влияния отца, научные интересы которого он фактически унаследовал...

Иоанн Пичета (1844–1920) за весомый вклад в духовное просвещение восточных славян и укрепление сербско-восточнославянских связей, как и его сын, достоин не только внимания, но и заслуженного почитания. Это было очевидно для его современников и должно быть восстановлено нами. К сожалению, даже в среде белорусской гуманитарной интеллигенции он до последнего времени оставался практически неизвестным. Причины такого положения вполне объяснимы. Главная из них – упорное нежелание коммунистических идеологов признавать роль духовного просвещения, а тем более самого духовенства, распространявшего, по их мнению, не что иное как «опиум для народа». Уже этого было достаточно, чтобы персоналии церковного писателя и публициста, ректора двух духовных семинарий, как в советских, так и в югославских энциклопедических изданиях не нашлось места, причем инерция таких установок действовала долго¹. Его имя, соответственно, выпадало из основной базы сведений в изданиях, которые освещали жизнь Русской православной церкви конца XX – начала XXI в.² Общий фон практически «чистой

¹См.: Мала енциклопедија Просвета : у 3 књ. 4-е изд. Београд, 1986 ; Енциклопедија српског народа / гл. и одг. уред. Р. Љушић. Београд, 2008 ; *Јовановић Н.* Лексикон 1000 личности у уџбеницима историје. Нови Сад, 2004 ; Энциклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі : у 5 т. / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск, 1984–1987 ; Беларускія рэлігійныя дзеячы XX стагоддзя / Нац. навук.-асвет. цэнтр імя Ф. Скарыны. Мінск ; Мюнхен, 1999 ; Асветнікі зямлі Беларускай. Х – пачатак XX ст. : энцыкл. давед. Мінск, 2001 ; Українська літературна енциклопедія : у 5 т. / Ін-т літ. ім. Т. Г. Шевченка ; Гол. ред. Укр. радян. енцикл. ім. М. П. Бажана ; редкол.: І. А. Дзевєрин (відповід. ред.) [та інш.]. Київ, 1988 ; Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. / гл. ред. А. А. Сурков. М., 1962–1978 ; Русский биографический словарь : в 25 т. / под ред. А. А. Половцова. СПб., 1896–1918 и др.

²Христианство : енциклопед. слов. : в 3 т. / редкол.: С. С. Аверинцев (гл. ред.) [и др.]. М., 1993–1995 ; Православие. Библиографический указатель книг на русском и церковно-славянском языках. 1918–1993 / Православ. Свято-Тихон. богосл. ин-т, Рос. гос. б-ка ; науч. ред. прот. В. Асмус ; сост.: Н. Ю. Бутина, К. К. Тарасов. М., 1999.

доски» не меняли единичные статьи российских исследователей¹, равно как и публикации потомков (внучки и правнука) со сведениями, сохранившимися благодаря их семьям и близким родственникам². Восстанавливаемые представления об этой личности несколько дополнились за счет материалов, которые позднее стали публиковаться в региональных общенформационных изданиях Украины и Сербии³. А вот белорусский справочник в двух книгах «Витебская область» – вполне обстоятельный – обошелся без статей об И. Пичете и даже о Витебской духовной семинарии⁴.

В первые десятилетия XXI в. для всех желающих приобщиться к ликвидации досадных белых пятен открылся фактически безграничный простор. Что касается наших задач, то они предопределялись прежде всего тем, что может называться привязкой к местным условиям, и потому исходно формулировались примерно так: попытаться представить личность отца

¹Карасев В. Г. Йован Пичета (1844–1920) и его мемуары // Балканіка = Балканика VIII. Београд, 1977. С. 415–425 ; *Его же*. И. Х. Пичета (1844–1920) // Славяне в эпоху феодализма. К столетию академика В. И. Пичеты / редкол.: Л. В. Черепнин (отв. ред.) [и др.]. М., 1978. С. 135–149 ; Горяинов А. Н. В. И. Пичета как поборник единства славян и сторонник идей социализма // Славянский альманах 2001 / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения ; редкол.: Т. И. Вендина [и др.]. М., 2002. С. 286–303 ; *Его же*. Трагическая страница биографии В. И. Пичеты в свете одной стенограммы 1928 г. // Славяноведение. 2002. № 1. С. 62–71 ; *Его же*. Протоирей Иоанн Пичета и его потомки (из родственных связей Душана Семиза) // Ученский сборник / отв. ред. О. Б. Карсаков. Мышкин, 2003. Вып. 4–5. С. 87.

²Пичета К. В. Владимир Иванович Пичета // Славяне в эпоху феодализма. К столетию академика В. И. Пичеты / редкол.: Л. В. Черепнин (отв. ред.) [и др.]. М., 1978. С. 106–134 ; Соколовский Л. Г. Протоирей Иоанн Пичета // Моск. журн. История государства Российского. 1998. № 1. С. 39–45 ; Соколовский Л. Г. История одной семьи: Йован Пичета и его потомки // Вопр. истории. 1999. № 9. С. 136–142.

³Полтавське єпархіальне братство // Полтавщина : енциклопед. довід. / за ред. А. В. Кудрицького. Київ, 1992. С. 743–744 ; Пичета Иоанн Христофорович // Православная энциклопедия Харьковщины / сост. А. Д. Каплин. Харьков, 2009. С. 382–383 ; Радојчић Ј. С. Срби западно од Дунава и Дрине: биографије : у 3 књ. Нови Сад, 2009.

⁴См.: Регионы Беларуси : энциклопедия : в 7 т. / редкол.: Т. В. Белова (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2009– . Т. 2, кн. 2 : Витебская область. 2011.

В. И. Пичеты, первого ректора БГУ, хотя бы в некотором приближении к реальной значимости; стремясь осветить разные моменты жизни этого деятеля, сосредоточиться на том, что связано с его вкладом в духовное просвещение России второй половины XIX – начала XX в., особое внимание уделив белорусскому аспекту.

Поскольку же упорядочивать как изложение материала, так и его восприятие легче с помощью предварительно обобщенного и упрощенного взгляда, для начала предлагаем краткую биографическую справку, составленную на основании сведений, которые удалось собрать из разных источников.

Иоанн Пичета (Јован Пичета) родился 9 (22) сентября 1844 г. в г. Мостаре, в то время являвшимся национально-культурным центром Герцеговины. Иоанн был пятым из семи детей Ристана и Марии.

Начальное образование мальчик получил в народной школе, которая действовала при городской православной церкви и успела обрести авторитет не только среди местного населения. Во время его учебы, в 1857 г., мостарскую школу посетил Александр Гильфердинг, первый российский консул в Боснии и Герцеговине. Ознакомившись с этим далеко не заурядным для турецкой провинции просветительским учреждением, А. Ф. Гильфердинг предложил послать лучших выпускников в Россию для дальнейшей учебы за счет казны российского государства. Так одаренный подросток И. Пичета вместе с одношкольниками Николой Биличем и Стефаном Говедарицей распрощался с родным Мостаром и в сопровождении иеромонаха Прокопия Чокорило отправился в свет пространственно дальний, но духовно близкородственный, а потому представлявшийся однозначно благословенным.

Вместе с другими отроками-сербам, устремившимися к свету с православного русского Востока, Иоанна определили в Одесское духовное училище, где была осуществлена профильная «(до)подготовка», а затем в Одесскую же (хотя официально она именовалась Херсонской) духовную семинарию. Там он учился на протяжении 1858–1864 гг. Способному юноше, успешно завершившему обучение в семинарии, была предоставлена возможность продолжить учебу в Киевской духовной академии, которую он окончил достойно в 1867 г. со степенью кандидата.

После этого он отправился на родину, однако пробыл там недолго. Иоанн Пичета вернулся в Россию и получил место преподавателя истории в Полтавской духовной семинарии. Зарекомендовав себя на духовно-просветительском поприще, в начале апреля 1887 г. он, имевший уже чин статского советника, перешел в духовное ведомство, был рукоположен в иереи и возведен в сан протоиерея, после чего получил назначение на должность ректора Витебской духовной семинарии, которую занимал с февраля 1888 г. до августа 1890 г.

Затем Иоанн Пичета был перемещен обратно в Полтаву, на вакантное место ректора той семинарии, которой отдал более двух десятилетий прежде. И в ней прослужил еще 12 лет на высшей должности.

В 1902 г. протоиерей Иоанн ушел в отставку и вскоре переселился в Харьков, где принял новое священническое послушание, продолжив активно участвовать в жизни Церкви и общества. Там в 1920 г. и завершился его земной путь.

РОДИНА, РОД, НАРОД

Итак, не упуская из виду всех координат, определяющих жизненный путь нашего героя, постараемся рассмотреть с должной пристальностью те из них, которые представляются несомненно важными. Поскольку в судьбе каждого человека особую роль играет место рождения, то прежде всего остановим внимание на нем. Для И. Пичеты родным является Мостар – по его собственному определению, «главный гор[од] Герцеговины»¹, который современным поколениям известен как населенный пункт бывшей Социалистической Республики Босния и Герцеговина в составе СФРЮ, а после развала союзной Югославии – в границах Федерации Босния и Герцеговина. Между тем, несмотря на новые административно-политические границы в связи с признанием Герцег-Босны частью Федерации Босния и Герцеговина, все помнят (правда, отнюдь не с одинаковым воодушевлением) о существовании Герцеговины как исторической области в иных пределах. Симптоматично, что и в настоящее время не просто упоминается, но даже довольно часто фиксируется в печати наличие трех ее частей: Герцеговины Западной, Герцеговины Восточной и Герцеговины Неретвенской. Та Герцеговина, чьи пределы определялись по воле истории, Богом предуготованной, включает земли, некогда носившие название *Захумье*

¹Пичета И., *прот.* Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца. Харьков, 1911. С. 8. Здесь и далее в цитатах из источников до 1918 г. правописание адаптировано к современным нормам.

(в качестве аналога ему чаще всего используется русскоязычный топоним Захолмье) и принадлежавшие великому жупану сербскому Стефану Немане, которые он во второй половине XII в. отдавал во владение младшему сыну Растко. Последний добровольно отказался от наследства в пользу брата, поскольку избрал для себя подвиг монашества и впоследствии стал первым сербским архиепископом, известным всему православному миру как святой Савва Сербский. Название «Герцеговина», закреплявшееся с XV в. (по утверждению И. Пичеты, с 1444 г.¹), представляет собой упрощенный вариант словосочетания «Герцогство святого Саввы», что, в свою очередь, является производным от титула «герцог», который использовал тогдашний правитель Стефан Вукшич Косача: «Степан Херцег, од светого Саве господарь Хумски, и приморьски, велики воевода...» Имеются, кстати, сведения, что при упомянутом правителе столица герцогства была перенесена в Мостар. Вообще же этот город во все времена был важным не только для Герцеговины. Иногда он приобретал значимость и по причинам, которые нелегко даже предполагать. В частности, И. Пичета и в пору своего детства, и позднее вряд ли знал, что именно Мостару отводилась роль центра католического прозелитизма, осуществлять который намеревалась польская эмиграция в первой половине XIX в. Вот как этот прецедент описывает и частично объясняет современный сербский исследователь: «Для униатизационной деятельности поляков по отношению к сербам Черногории предусматривался город Мостар, в котором были бы основаны учреждения лазаристов и честных сестер, с наименее двумя католическими монахами-поляками и хотя одной сетрой-полькой. Чарторийский имел намерение „распространять римокатолицизм среди славян против соединения с Православной церковью и за отделение их от Москвы...”²

¹Пичета И. Х., *прот.* Факты и воспоминания из школьной жизни герцоговца. С. 1.

²Новаковић С. Польско-римокатоличка пропаганда – од Србије до Молдавије // Православље и идентитет православних народа : материјали са нац. конф. са међунар. учешћем, Београд, 9–10 септем. 2019 г./ приред. З. Милошевић. Београд, 2019. С. 393.

Философско-поэтическое, а отчасти и этнохарактерологическое, восприятие этого города представил в свое время «балканский Гомер», нобелевский лауреат Иво Андрич: «Если человек оказывается в Мостаре, а утром просыпается не с первыми лучами солнца, а только в часов семь, тогда он лучше всего может понять разницу между светом в этом городе и, например, в Сараево. Свет в Мостаре – элемент сам по себе; он мощный, живой, везде присутствующий, всюду проникающий и жесткий. Из-за него и люди здешние ловки и рациональны, а в то же время холодны и безоглядны»¹. Интересно, что Мостар и мостарцев так видит не чужеземец, а уроженец Боснии, сопряженной с Герцеговиной. Причем такое видение невозможно объяснить ситуативной эмоциональной реакцией, поскольку оно, в развернутом рефлексировании, повторяется:

«Когда человек ночует в Мостаре, тем, что пробуждает его утром, является не звук, а свет. Я это знаю по собственному опыту. Свет меня встретил в момент прибытия в Мостар и сопровождал во время моего пребывания с утра до вечера, а затем, после отбытия оставался во мне как главная характеристика моих воспоминаний о Мостаре.

Мне всегда казалось, что то, что сияет над этим от природы имеющим привилегии городом и что пронизывает в нем, есть какой-то особый свет, исключительный по силе и качествам. Мне всегда казалось, что с ним в человека должна проникать любовь к жизни, смелость и ясность, чувство меры и творческого труда.

Никогда не мог я в достаточной мере наглядеться на этот свет, хотя встречал его повсюду. Он присутствует в улыбках местных жителей и в ясных гласных звуках их речи, на лицах юношей и девушек во время предвечерних прогулок. Он преломляется как золотой беспокойный отблеск в чаше мостарского вина, содержится как концентрированная сила и сласть

¹Андрић И. Знакови поред пута // Сабрана дела : у 20 књ. Београд ; Подгорица, 2011. Књ. XVII. С. 291. Здесь и далее перевод на русский язык автора.

в здешних персиках и черешнях. Он кроется в затененной холодной воде Радоболи.

Из-за него Неретва – наша самая светлая река, из-за него даже голые камни окрестных гор обладают каким-то стихийным величием. По этому свету более всего помнится Мостар»¹.

В середине – второй половине XIX в., когда жизнь И. Пичеты и его семьи была связана с Мостаром, его население составляло около 18 тысяч душ, из которых православную веру сохраняла, по разным сведениям, примерно половина².

Наиболее ценным и надежным источником информации, интересующей нас, являются мемуары И. Пичеты. Они представляют ценность не только с точки зрения историографической и биографической фактологии, но и в плане стиля – поистине мастерского, сочетающего убедительность содержания с искусностью изложения. Таким образом, у нас есть возможность ознакомиться с условиями жизни герцеговинцев и конкретно мостарцев по весьма насыщенному «первотексту», вышедшему из-под пера уроженца и патриота этого края: «Если православные герцеговинцы не одичали от ужасов турецких, то этим они обязаны прежде всего своему **твердоверству** (выделено в оригинале. – И. Ч.), своей любви и глубокой преданности к православной церкви и ее установлениям, а затем благотворному влиянию тех святых обителей, которые любовью предков созданы в разных местах родины, в которые толпами собирались для молитвы и взаимных утешений, для совещаний и решений, что делать, чтобы сохранить свою святую веру и народность. Монастыри <...> были хранителями православия и духа народного, поддерживали в народе бодрость, возгревали в нем любовь к вере и родине и воспламеняли к борьбе “за крест честный и свободу золотую” <...> **Из православных сербских общин в Герцеговине мостарская была самая значительная и состоятельная** (выделено нами. – И. Ч.). Она

¹Андрић И. Запис о Мостару из 1946. године [Электронски ресурс]. URL: <https://furaj.ba/ivo-andric-zapis-o-mostaru-iz-1946-godine> (датум жалбе: 22.06.2023).

²См.: Очерк истории славянских церквей / [соч.] Гермогена (епископа Псковского и Порховского). 2-е изд. СПб, 1899.

представляла собою правильно организованное братство без писанного, но начертанного на скрижалях сердца устава»¹.

Как высказанное протоиереем И. Пичетой – содержащее субъективную подсветку – так и любое непредвзятое мнение «со стороны», закономерно предопределяет один вывод: историю Герцеговины и всей Сербии практически невозможно рассматривать без учета исключительности роли Православной Церкви. Причем дело не только в вероисповедном и духовно-культурном аспектах. Следует обязательно иметь в виду также то, что на протяжении нескольких веков турецкого владычества, а затем десятилетий под властью Австро-Венгрии, т. е. весь продолжительный период, когда собственная государственность отсутствовала, одна лишь Сербская православная церковь осуществляла функции защиты народа и его сплочения как единого этноса, а значит, выполняла задачи, которые при нормальных условиях обычно берет на себя государство. К тому же без участия высших структур Сербской церкви тогда не могли устанавливаться и осуществляться международные связи, а в ряде случаев и межгосударственные, в частности с Россией. Нельзя не отметить, что упомянутые и другие важные функции Сербская православная церковь выполняла достойно. Скептически настроенные приверженцы иных взглядов, вероятно, имеют наготове свои возражения: дескать, не нужно сбрасывать со счетов, что многие сербы перешли в ислам и католичество... Что ж, такие итоги давления жестокой реальности действительно имели место. Однако вряд ли кому-то удастся оспорить очевидную истину, что в мировой истории сербы остались – освободившись от почти пятивекового ига завоевателей, восстановив государственность и до сих пор сохраняя национальную идентичность, – именно благодаря Православию, которое они называют (или, правильное сказать, конкретизируют собственную принадлежность к общему исповеданию) Святосаввием – по имени своего соплеменника первого архиепископа Сербского

¹Пичета И., *прот.* Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца. С. 11.

святого Саввы, чьим «герцогством» является родина И. Пичеты. Потому историю герцеговинцев – сложнейшую, включающую события как предельно трагические, так и на редкость героические, славные, – мы не смеем рассматривать без обусловленности отношением к Православию как вере, которую избрали их благочестивые предки. И чрезвычайно показательной иллюстрацией стояния православных герцеговинцев в вере может служить с младенчества близкая нашему герою церковь Рождества Пресвятой Богородицы (*Црква Рођења Пресвете Богородице*) или Старая церковь (*Стара црква*) в родном Мостаре.

Отличная память, сохранившаяся у отца Иоанна до возраста, когда мемуары становятся настоящей потребностью души, позволила ему изложить историю храма лаконично, но в то же время основательно и с поистине впечатляющей яркостью: «В мое время в Мостаре была только небольшая церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, построенная в 1835 г. на месте старой церкви, на восточной окраине города, около так называемого Суходольского кладбища. Как ни молили мостарцы о разрешении выстроить церковь несколько больших размеров, визирь Али-паша не только отказал им в этом, но еще, по наущению фанатиков из магометанского духовенства, строго приказал, чтобы церковь не возвышалась над окружающею ее оградою. Чтобы сколько-нибудь сделать храм внутри высоким, пришлось на 10 с чем-то ступеней углубить его в землю, что дало возможность устроить потолок сводчатый и хоры для стояния женщин. По внешнему виду церковь ничем не отличалась от простого, продолговатой формы, каменного четырехугольного здания, с небольшими окнами и каменною крышею. Над единственным входом в церковь водружен был едва заметный крест, высеченный из камня, но его, как и всего здания, не видно было за стенами высокой ограды. Внутренность церкви, стесненная столбами, поддерживающими хоры, гармонировала с внешностью. Стены голые без икон, иконостас простой, уставленный малярной работы иконами и плохими литографиями, царские двери без изображений, северный и южный входы в алтарь без дверей, самый алтарь тесный и без окон, престол каменный с убогим

облачением, жертвенник в нише стены, застланный куском простой ткани. Не краше была и вся другая утварь...»¹.

Чтобы читатели осознавали драматизм дальнейшей истории Православия в Герцеговине и конкретно в Мостаре, стоит, пожалуй, добавить, что описанная в «Воспоминаниях» И. Пичеты церковь Рождества Пресвятой Богородицы подверглась полному разрушению в ходе гражданской войны 1992–1995 гг. Тем не менее спустя десятилетие ее восстановили и освятили вновь². Та же участь в конце XX в. постигла и Кафедральный собор Святой Троицы (*Саборна црква Св. Тројице*), построенный несколько позднее Старой церкви – уже после отъезда Иоанна в Россию, и приходской дом рядом с ним, и архиерейское подворье³.

Между тем кафедра вместе с резиденцией православных архиереев, титуловавшихся как митрополиты Захолмско-Герцеговинские, находились в Мостаре с давних времен. Известно, что эту епархию окормляли такие почитаемые сербами личности, как святой Савва II – внук великого жупана Немани и брат короля Уроша (в XIII в.), святой Даниил II (в XIV в.), святой Василий (в XVII в.)⁴. Однако история вопроса имеет свои коллизии, поскольку в дополнение ко всем противоречиям, которые были обусловлены господством турок-завоевателей, сказывалась также иерархическая зависимость от Константинопольского патриархата. Проблемы были вызваны тем, что Захолмско-Герцеговинскую кафедру на протяжении XVIII–XIX вв. занимали по преимуществу греки (Анфим, Анания, Иеремия, Иосиф, Прокопий, Григорий, Игнатий) и болгары (Авксентий, Прокопий). Ситуация изменилась лишь в 1888 г., когда архиереем, окормляющим эту епархию, стал серб Леонтий (Радулович)⁵.

¹Пичета И., *прот.* Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца. С. 12.

²Епископија Захумско-Херцеговачка / приредио Стево Тосовић. Београд, 2006. С. 242.

³Там же. С. 242, 245.

⁴Сава (Вуковић). Српски јерарси од деветог до двадесетог века. Београд ; Подгорица ; Крагујевац, 1996. С. 425–426, 153, 56 ; Епископија Захумско-Херцеговачка. С. 25, 27, 162–167.

⁵Подробнее см.: Епископија Захумско-Херцеговачка. С. 184–195.

Дом семьи Пичета в г. Мостаре (Югославия).
1976 г.

Вот что писал И. Пичета, опиравшийся на живые впечатления детства вкупе с полученными впоследствии знаниями о перипетиях церковной жизни родного края: «В мое время митрополитами были: Авксентий, родом болгарин, прославившийся впоследствии своим деятельным участием в греко-болгарской распре, Иосиф, перебивавший на нескольких кафедрах и даже в заточении на Афоне, и Григорий <...> Митрополиты эти, как и все греческие ариереи на востоке, весьма редко служили и по незнанию языка паствы или по своему неумению никогда не произносили в храме Божьем слова поучительного. Своим присутствием они только стесняли священнослужителей, которые способны были к проповедничеству <...> Мостарцы не любили своих духовных владык, не симпатизировали и малограмотным “поповима” и предпочитали священнослужителей из монашествующих, которые в глазах их были настоящим духовенством – “боголюбивым и родолюбивым”. В мое время при мостарской церкви состояли священнослужителями: один архимандрит, два иеромонаха

и один священник, посылавшийся для совершения треб в селах, разбросанных по горам и дебрям мостарского округа»¹.

На материале соседней Боснии И. Андрич ярко и пронизательно описал два типа архиереев – фанариотов и местных, сербов, – зафиксировав разницу между ними в знаменитом романе «Травницкая хроника»: «Митрополит был человек упитанный, рыхлый и болезненный, носил очки с толстыми стеклами (неодинаковой толщины), из-за которых глаза его казались страшно обезображенными, словно они каждую минуту могли разлиться по лицу. Он был фанариотски сладкоречив и о всех великих державах отзывался одинаково хвалебно и примирительно. Вообще в его распоряжении было лишь несколько выражений для всех вещей и понятий, неизменно хвалебных и положительных, которыми он и пользовался в разговоре, наугад, не разбирая, даже не слушая, о чем идет речь. Такая презрительная и нарочитая учтивость, плохо скрывающая полнейшее равнодушие ко всему, что говорят и что может быть сказано, часто бывает свойственна престарелым священникам всех вероисповеданий.

Совсем другим человеком был владыка Иоанникий, рослый и могучий монах, обросший черной бородой, с сердитым выражением лица и решительными, какими-то военными манерами, словно он под черной рясой носил панцирь и тяжелое вооружение. Турки сильно подозревали этого владыку в сношениях с повстанцами в Сербии, но доказать не могли»².

Не случайно И. Пичета начал воспоминания словами горьких раздумий: «Родина моя – несчастная Герцеговина. Говорю несчастная, потому что едва какая-нибудь из областей, населенных многострадальным сербским народом, испытывала столько всякого рода бедствий и подвергалась таким превратностям судьбы, как несчастная Герцеговина»³. Те же чувства отражены и в стихах его земляка, младшего современника Алексы Шантича: «Этой стороне Господь счастья

¹Пичета И., *прот.* Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца. С. 14–15.

²Андрич И. Травницкая хроника. Консульские времена // Избр. произведения / пер. с сербскохорват. М. Волконского. М. ; Белград, 1975. С. 460–461.

³Там же. С. 1.

не дал, / Придавил ее бедой и скорбью долгой... / В то время как солнце греет другие народы, / Нас суровый холод жестоко донимает»¹. Нисколько не сомневаясь в искренности и справедливости такого суждения, соглашаясь также с правомерностью использования эпитетов «несчастливая», «бедная» и т. п., мы должны все-таки сделать некоторые уточнения, а именно: Герцеговина оставалась элитной средой сербства даже при жестоком турецком владычестве, т. е. и во времена бедствования. Вряд ли совершенно случайным, к примеру, оказалось то, что за основу литературного сербского (сербско-хорватского) языка взят именно герцеговинский диалект, как и то, что герцеговинский край дал миру таких выдающихся деятелей сербской культуры, как Ёван Дучич, Алекса Шантич, Светозар и Владимир Чоровичи, Перо и Джоко Слиепчевичи. Весьма значимым является и то, что к герцеговинским родам принадлежат сербы, с исключительной верностью служившие России, – достаточно вспомнить соратника Петра I дипломата Савву Владиславича Рагузинского, славную генеральскую династию Милорадовичей, адмирала Марка Войновича. Поскольку же нас особо интересуют связи с Беларусью, укажем на то примечательное обстоятельство, что адмирал М. Войнович (1750–1807) погребен на белорусской земле и конкретно в Витебске², где спустя восемьдесят лет довелось жить и трудиться И. Пичете.

Что же касается конкретных обстоятельств раннего периода жизни нашего героя, то восстановить их по мемурным запискам непросто, поскольку описываются они довольно скупое, часто в пределах необходимого. Мемуарист основное внимание уделил общей панораме исторических событий, а уже на их фоне – положению жителей Мостара и семьи Пичета в их числе. Многие детали тем не менее предстают перед глазами читателей вполне конкретно и даже зримо, как, например, родной «домик с небольшим огородом при нем, в котором росло большое тутовое дерево для занятий шелководством», с четко обозначенным местоположением:

¹Шантић А. Ми знамо судбу. Подгорица, 2002. С. 83.

²См.: Давидовић Б. Срби у историји Русије. Београд, 2003 ; Гојковић Р. Знаменити Срби у руској историји. Лапово, 2015.

«...на окраине города “Царина”». ¹ Кстати, сербское слово «царина» переводится на русский язык как «таможня», что конкретизирует и расположение названной окраины – при главной въездной дороге.

Весьма ценны содержащиеся в мемуарах протоиерея Иоанна этнологические сведения. Особый же интерес представляет то, что он, как и полагается настоящему сербу, счел обязательным обратить внимание на главный «идентификационный признак» своего народа – Крестную Славу. Учитывая отсутствие такой традиции у русских, впрочем, как и у всех остальных народов, он подробно объяснил, в чем ее сущность: «Но самую характерную церковную особенность у сербов составляет то, что у них при крещении большею частью даются имена народные, каких нет в святцах, а потому и празднование именин не в обычае. Но зато каждая семья имеет своим патроном какого-нибудь святого, которого благоговейно чтит и с особенною торжественностью празднует и прославляет день его памяти, отчего и самое празднество называется “Славою” и еще иначе “Крестным именем”. Это празднество так характерно, что по нему определяют этнографическую принадлежность к сербскому племени, и завзятые националисты много поломали перьев и испортили крови, доказывая в споре с болгарами, что славянское население Македонии есть сербское, а не болгарское» ². Здесь же И. Пичета называет конкретно и святого покровителя своего рода, собственной семьи: «В моем роде как в Мостаре, так и в других местах Герцеговины, славят Георгия Победоносца, святое имя которого есть “Крестное имя” всего нашего рода» ³.

Примечательно, что в автобиографическом повествовании отец Иоанн предстает как неизменно сохраняющий самые теплые чувства сын и брат, хотя в роли автора записок, предназначенных для публикации, он стремится к объективности, даже некоторой отстраненности. Отцу, например, дает такую скупую характеристику: «Отец был малограмотен, едва разбирал

¹ Пичета И., *прот.* Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца. С. 6, 10.

² Там же. С. 16–17.

³ Там же. С. 17.

славянскую печать, но твердо знал напамять главнейшие молитвы утренние и вечерние и всегда произносил их вслух во время общих домашних молитв всей семьи. <...> По доброму восточному обычаю, где все обучаются какому-нибудь ремеслу, отец знаком был с мастерством серебрянника и вел небольшую торговлю в Гацком округе, где и проводил большую часть года, оставляя семью на попечение матери»¹. Вообще же, как об отце, так и о братьях Бошко, Илье и Трифоне, и о сестрах Йованке, Ристе и Ангелине рассказ ведется с явной душевностью, однако особо трепетные чувства выражены по отношению к матери: «Но больше всего мое старческое сердце приходит в умиление при воспоминании о дорогой матери, которая любила меня более своих очей. Ея любви и здравомыслию я обязан всем: она меня вырастила, приучила к добру и труду, заботилась о моем воспитании и для счастья моего с молитвою и горькими слезами отпустила меня для обучения в Россию. Верю, что молитвенные слезы милой матери были действительны пред Богом, по неизреченной милости Которого я окончил успешно учение и проходил служение»². С исключительной проникновенностью звучат слова, обращенные к ней, уже покойной: «Вечная тебе память, незабвенная мама! До скорого свидания, родная!»³. И, конечно же, не вызывает никаких сомнений признание состарившегося мужчины, что мать он не забывал никогда, «три раза ездил из Полтавы навещать ее», а узнал о ее смерти в то время, когда был «назначен ректором Витебской духовной семинарии»⁴.

Иоанн Пичета, к его чести, на всю жизнь сохранил также благодарную память о своих мостарских наставниках. По очевидности, в которой школьная учеба сводила его с ними, вспоминает всех: «учитель из Сербии, по фамилии Стоякович, обучавшийся в Белградской “богословии” (семинарии. – И. Ч.)»⁵; «новые учителя из уроженцев Гецеговины – Иван Шушич, обучавшийся в какой-то школе в далматинском городе Шибеник

¹ Пичета И., *прот.* Факты и воспоминания из школьной жизни герцоговинца. С. 5–6.

² Там же. С. 8.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 19.

и Петр Сербич, окончивший курс учения в Белградской богословии, да еще кто-то из венгерских сербов»¹; «Никифор Дучич и Серафим Перович, известные в последствии времени политические и церковно-народные деятели. Первый стяжал известность выдающегося церковно-исторического писателя и умер в Сербии в сане архимандрита, а второй после всевозможных злоключений, не исключая и ссылки в Фецан, в оккупационное время поставлен был в митрополиты Герцеговины, в каковом сане и скончался в конце прошлого столетия»².

Дистанция времени обеспечила нам возможность предоставить более обстоятельные сведения о лицах, которые упоминаются И. Пичетой как напрямую причастные к его воспитанию и обучению в Мостарской школе, но значимые и тем, что оставили заметный след в духовно-культурной жизни его родины и «стяжали известность». Несмотря на лаконичность, некоторую эскизность, биография ставшего митрополитом Серафима (Перовича) получилась в «Воспоминаниях» весьма емкой. Добавим несколько важных штрихов к портрету того, кто охарактеризован как «выдающийся церковно-исторический писатель» – архимандрита Никифора Дучича (1832–1900), как и отец Иоанн, уроженца Герцеговины, к тому же мостарского края. В ранней молодости он принял монашеский постриг и священнический сан, что не помешало ему активнейшим образом заниматься просветительской деятельностью в Герцеговине и Черногории, а впоследствии стать академиком и писателем, издать 9-томное собрание сочинений, в том числе фундаментальные труды по истории Сербской Православной Церкви³. Однако не менее, чем просветительские, писательские и научные заслуги, важно то, что он принимал участие в национально-освободительном восстании 1861–1862 гг. под предводительством Луки Вукаловича, а также в сербско-турецкой

¹Пичета И., *прот.* Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца. С. 20.

²Там же. С. 20–21.

³См.: Дучић Н., *архим.* Историја Српске Православне Цркве од првијех десетина VII в. до наших дана. Београд, 1894 ; *Его же.* Васельенска патријаршија и српско црквено питање. Београд, 1897 ; *Его же.* Историја Српске православне Цркве од првијех десетина VII в. до наших дана. Београд, 2008.

войне 1876–1878 гг.¹ Архимандрит Никифор Дучич разнопланово представлял тип герцеговинского священнослужителя и монаха, наиболее востребованный конкретными историческими условиями той среды, в которой подвизался.

Для читателей особый интерес должно представлять то, как И. Пичета, вместе с академическим образованием получивший доскональную осведомленность о положении Православия в разных странах, оценивал состояние церковной жизни в Боснии и Герцеговине середины XIX в. Прежде всего важно понять, что же хранилось у него в памяти как результат запечатленного детским и отроческим восприятием. Некоторые оценки ожидаемо, на что мы указывали выше, не могли быть однозначными. Так или иначе невозможно было переменить в коллективном сознании закрепившиеся представления о митрополитах – греках и болгарях, которые «не оставили по себе доброй памяти»², что вполне закономерно вследствие упоминавшейся уже иерархической зависимости их от Константинопольского Патриархата. Однако не менее показательно и то, что протоиерей Иоанн с исключительным почтением вспоминает о «добре пасущих стадо пастырях» из числа соплеменников, прежде всего земляков: «Особенно большим авторитетом и уважением пользовались иеромонах Серафим Шолая и архимандрит Иоанникий»³. О «местном летописце Иоанникии Памучине» он упоминает неоднократно, давая при этом самые высокие характеристики: «Архимандрит Иоанникий был выдающимся начетчиком, знатоком сербского языка и народных обычаев. Представительный собою, обладавший даром слова, прекрасно служивший и певший, он был украшением церкви герцеговинской и православной мостарской общины, их руководителем, представителем и представителем там, где нужно было. Его умные речи слушались и его

¹См.: Мала Енциклопедија Просвета. Књ.1: А–Ј. С. 695 ; Енциклопедија српског народа. С. 323–324 ; Народна Енциклопедија српска, хрватска и словеначка : у 4 књ. 3-е изд. Сремски Карловци ; Нови Сад, 2010. Књ. 1. С. 621.

²Пичета И., *прот.* Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца. С. 14.

³Там же. С. 15.

советами не пренебрегали и власти турецкие, особенно во время бывшего в 60-х годах восстания под предводительством воеводы Луки Вукаловича. Какое бы великое счастье было для сербского народа, если бы восставшие приняли те условия, какие им предложены были серакиром Омер-пашою не без участия архимандрита Иоанникия. Может быть, не было бы и последующих восстаний, приведших к австрийской оккупации и аннексии»¹. Весьма отрадно, что труды мудрых учителей юного Иоанна до сих пор издаются и служат делу просвещения герцеговинцев².

Иоанн Пичета, не выделяя себя лично, вспоминает событие, которое предопределило его дальнейшую судьбу, – проезд в Мостарскую школу первого русского консула для Боснии и Герцеговины А. Ф. Гильфердинга и секретаря консульства А. С. Ионина. Личность упомянутого консула настолько значима для истории сербско-российских связей, что здесь настоятельно требуется хотя бы краткая справка о нем.

Александр Федорович Гильфердинг (1831–1872) – известный русский славист, историк и этнолог, автор трудов «Об отношении языка славянского к языкам родственным» (1853), «История балтийских славян» (1854), «Восточные славяне» (1858), «Письма об истории сербов и болгар» (1855), «Босния, Герцеговина и Старая Сербия» (1859), «Государственное право сербского народа в Турции» (1861), «Старинный сборник сербских пословиц» (1868) и др. Активный общественный деятель, глава этнографического отдела Русского Географического общества, председатель Петербургского отделения Славянского комитета,

¹Пичета И., *прот.* Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца. С. 16.

²Саџак М. Памучина Јоаникије. Почетак доласка грчких владика у Херцеговину. Животопис Серафима Шолаје (Одломци); Чокорило Прокопије. Летопис Херцеговине 1831–1857 (Одломак из 1857. године). О Али-паши Ризванбеговићу // Преглед српске књижевности у Босни и Херцеговини у 19. вијеку. Бања Лука, 2010. С. 92–102, 103–106. Материјали ових аутора били представљени такође у преводу на руски језик: Памучина И., *свјш.* Суд над хришћанском девошкoу у Мостаре у 1841 г. // Рус. беседа. 1856. Кн. II. С. 34–46 ; Прокопиј (Чокорило), *церомонах*. Летопис Херцеговине. 1831–1857 // Рус. беседа. 1858. Кн. II (X). С. 93–121.

А. Ф. Гильфердинг всемерно способствовал взаимопознанию славянских народов и укреплению их единства¹. Примечательно, что его исследования, посвященные истории сербов, буквально сразу же после публикации в Москве были переведены и изданы в Сербии². Есть основания считать, что не без влияния информации, поступившей от него как консула в Сараеве, главном городе Боснии, вскоре (в 1858 г.) было открыто российское консульство также в Мостаре как главном городе Герцеговины.

Возвращаясь непосредственно к судьбоносному для юного И. Пичеты событию, уточним, что российский консул в письменном донесении своему вышестоящему начальнику сообщал о посещении Мостара и его школы следующее: «Я воспользовался наступившим на другой день приезда моего в Мостар праздником Вознесения, чтобы немедленно посетить здешнюю православную церковь, хотя обедня в ней служится на рассвете (вследствие того, что литургия во время дня беспокоила бы мусульман). После обедни мне показали прекрасно устроенную первоначальную школу, заведенную с прошлого года при мостарской церкви, которая, хотя едва начала свое существование и имеет самые недостаточные средства, оказывает уже благодетельное влияние на здешний православный народ»³.

А вот как происходившее в тот майский день 1857 г. сохранилось в памяти в то время еще школьника Иоанна: «Прибытие в Мостар первых русских людей, да притом официальных

¹См.: Славянофилы. Историческая энциклопедия / сост. и отв. ред. О. А. Платонов. М., 2009. С. 140–141 ; Краткая литературная энциклопедия. Т. 2. 1964. С. 180–181 ; Гилфердинг Александр Федорович // Кирило-Методиевска Енциклопедия : у 4 т. / гл. уред. П. Динеков [и др.] ; редкол.: Б. Ангелов [и др.]. София, 1985–2003. Т. 1. 1985. С. 488–490.

²Историја Срба и Бугара. Свеска I. Београд, 1857.

³Письмо российского консула в Сараеве А. Ф. Гильфердинга директору Азиатского департамента МИД России Е. П. Ковалевскому о поездке по Герцеговине и стремлении турецких властей не допустить его общения с населением [Электронный ресурс]. URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/Serbien/XIX/1840-1860/Osv_borb_BiH/1-20/11.phtml?id=14903&ysclid=m0mh037118766011256 (дата обращения: 12.03.2023).

представителей русского правительства, было великим событием для всего православного населения всей Герцеговины. О чем молились и воздыхали, на что надеялись и уповали – на заступничество великой России, того дождались, увидели высокопоставленных русских братьев в своем святом храме и в дорогой школе, беседовали с ними и поведали им, если не устами, то очами и сердцем о своих печалях»¹.

Разумеется, из памяти Иоанна Пичеты не мог исчезнуть и ряд частных моментов, связанных с таким поворотом судьбы: «В январе или феврале 1858 г. сделалось известным, что наш отъезд должен последовать после Пасхи и что с нами поедет иеромонах Прокопий Чокорило, которому исходатайствовано было разрешение приехать в Россию для сбора пожертвований в пользу бедных церквей и монастырей Герцеговины <...> Наступила Пасха, последняя в моей жизни на родине. Близилось время моего отъезда. Все, что может сделать горячая любовь патриархальной семьи для своего члена, то сделано было моими дорогими родными для меня. Снарядили меня весьма в изобилии. Днем отъезда назначено было 3-е число мая»²; «Отъезд мой и товарищей Николая Билича и Стефана Говедарицы, с иеромонахом Прокопием во главе, был обставлен довольно большою торжественностью. Более сотни лиц провожали нас за окраину города, а некоторые, верхом на лошадях, сопутствовали нам до Потпорима, на расстоянии 4-х часов от Мостара»³.

Далее путь лежал через Сараево в Белград, столицу возрожденной Сербии, где направлявшиеся в Россию юные мостарцы встретились с товарищем по школе Саввой Косановичем, обучавшимся тогда в Белградской семинарии, по окончании которой он вернулся учительствовать в родной мостарской школе, впоследствии же стал митрополитом Сараевским⁴. Из Белграда мостарская группа путешественников на пароходе по Дунаю отправилась в Одессу. Не обошлось и без драматических

¹ Пичета И., *прот.* Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца. С. 21.

² Там же. С. 22.

³ Там же. С. 23.

⁴ Там же. С. 25.

происшествий, в ходе одного из которых будущий протоиерей Иоанн едва сохранил жизнь, но в итоге странствие завершилось успешно: «Утром 28 июня наш пароход бросил якорь в карантинной гавани Одесского порта, и мы скоро, к великой нашей радости, вступили на русскую землю, пропутешествовав один месяц и 25 дней»¹.

Юный герцеговинец И. Пичета вышел на просторы новой жизни, где перед ним открылись возможности для самореализации в соответствии с уже проявленными способностями и все более определяющимися устремлениями.

¹*Пичета И., прот.* Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца. С. 28.

УЧЕБА В РУССКИХ ДУХОВНЫХ ШКОЛАХ

Вовсе не случайными были как профиль образования, так и конкретные духовные школы России, где оказался юноша Иоанн. Прямой зависимости от личного выбора, разумеется, не было, хотя то, что И. Пичету с товарищами изначально направляли в Одессу, объясняется не только географическим положением этого города-порта, но и наличием в нем духовного училища, которое, помимо обычного предназначения, выполняло функции «сборного пункта» для прибывающих юношей из числа «восточных единоверцев». А находившаяся в Одессе духовная школа следующей ступени – Херсонская семинария (одноименная епархии, которая называлась Херсонско-Таврической) – наряду с киевскими семинарией и академией, выполняла особую роль в миссии Русской Православной Церкви и Государства Российского по отношению к поработленным южным славянам и грекам. В связи с этим не требует дополнительных комментариев обстоятельство, почему товарищами И. Пичеты по училищу и семинарии, кроме граждан России, были единопленные герцеговинцы и боснийцы, а также болгары, составлявшие большинство. Впрочем, этническим и языковым различиям в этой среде не придавали особого значения. Во всяком случае, наш герой реагировал на них более чем спокойно, принимая как данность. Основным критерием в оценке всех людей, с которыми доводилось тогда сталкиваться в училище, семинарии и пансионе, для него было православное вероисповедание в совокупности с благочестием и нравственной устойчивостью, поскольку именно эти свойства составляли основу учебы и будущего служения. Все, что не соответствовало этому, Иоанн

всегда оценивал бескомпромиссно, даже если дело касалось старших соплеменников-сербов, как, например, в этом случае: «...Появился в пансионе авантюрист Вранешевич, титуловавший себя гарибальдийцем, и, действительно, так подписывался под напечатанными в газете “День” И. С. Аксакова письмами <...> Затем откуда-то взялся какой-то Секулич, приятель Вранешевича, выдававший себя за австрийского эмигранта. Оба они выставляли себя какими-то страдальцами за славянское дело вообще, так что невольно вызывали у нас сочувствие и доверие к себе»¹.

Вместе с тем Одесса для И. Пичеты не должна была ассоциироваться только с залетными сербами-авантюристами, которые несли реальную опасность для трепетного огонька патриотизма, сочетавшего любовь к родине с любовью к исторической России. Сейчас трудно определить, в какой мере это доводилось до сознания «бурсаков» и семинаристов, однако известно, что одесситы чтили память земляка И. Пичеты, уроженца Герцеговины Дмитрия Княжевича (1788–1844), прямого потомка Максима Княжевича, весь род которого верно служил России. Названный нами потомок, Дмитрий Максимович, был достаточно известным литератором, а также деятелем науки и просвещения – основателем Одесского Общества истории и древностей, попечителем Одесского учебного округа².

Период обучения в духовном училище и семинарии имел для юного герцеговинца особую значимость не только в связи с вхождением в новую действительность – жизнь огромной и могущественной Российской империи, но и оттого, что как раз тогда определялись главные ориентиры в выборе им собственной стези по жизни.

Впрочем, как дарованные Богом свойства натуры, так и полученное на родине воспитание являлись благодатной почвой для самых положительных результатов подготовки к служению Церкви и народу Божьему. Иоанн постоянно старался быть

¹ Пичета И., *прот.* Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца. С. 47.

² См.: Д. М. Княжевич (по поводу 100-й годовщины его рождения) // Нива. 1888. № 16. С. 401–402.

в числе лучших учеников. Его воспоминания, записанные уже на склоне лет, включают множество фактов, позволяющих судить об этом. Мы же, чтобы сохранять беспристрастность, обратимся лишь к моменту опосредованному – насколько замечал и отмечал воспитанника-герцеговица ректор Херсонской семинарии, архимандрит Феофилакт (Праведников): «Ко мне относился с отеческим благовниманием, поощрял к занятиям, указал путь в академию, давал приют у себя во время приезда на каникулы, желал видеть меня по окончании курса наставником родной семинарии, что и осуществилось бы, если бы не последовало назначение меня преподавателем Полтавской семинарии»¹. Комментарии, как говорится, излишни.

Естественно, жизнь без искушений и трудностей не бывает. Адаптация совсем юных людей к жизни вдали от родины, неизбежно влечет за собой психологические проблемы, особенно если учитывать неизбежность конкретных сложностей. Как раз такое описывается в «Воспоминаниях» протоиерея Иоанна: «Юноши из патриархальных семей, а таковыми были я, мои товарищи-герцеговинцы и некоторые сверстники из болгар, задыхались в нравственно-испорченной атмосфере пансиона, часто плакали и так стали тосковать по родине, что семинарский врач в нашей тоске усматривал особого рода болезнь и рекомендовал увольнять нас в отпуск на родину»².

С начальным периодом пребывания И. Пичеты в России связан вроде бы малозначимый, но в разных отношениях примечательный факт – обращение боснийцев и герцеговинцев, которые учились в Одесской семинарии, к знаменитому сербскому филологу и просветителю Вуку Стефановичу Караджичу (проживавшему тогда в Вене, но в России хорошо известному и неоднократно ее посещавшему) с просьбой прислать книги по отечественной истории(!). Вот содержание этого письма в буквальном переводе:

«Высокоученый и родолюбивый Господин!

Мы, нижеподписавшиеся сербы из Боснии и Герцеговины, которые обучаемся здесь в Семинарии как стипендиаты, осмеливаемся просить Вас, чтобы Вы нам прислали труды Ваши

¹Пичета И., *прот.* Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца. С. 40.

²Там же. С. 46–47.

и еще некоторых отечественных писателей, которых Вы знаете, что они познакомят нас ближе с нашей Историей.

Уважение к Вам и Вашим трудам, а также незнание Истории сербской, побудило нас написать Вам и просить Вас, как родолюба и соотечественника, чтобы не оставили желание наше неисполненным. И еще Вас просим, если возможно, чтобы Вы нам прислали Ваш портрет и иных некоторых отечественных наших Писателей, которые бы нам были ради украшения и славы рода Сербского. С полной уверенностью, что наша просьба будет исполнена, остаемся Вам покорными и уважающими Вас как родолюба.

Николай Спаич, Тано Батинич, Димитрие Богичевич, Ристо Бугарчич (из Боснии), Йован Пичета, Стефан Говедарица, Христо Милинкович, Николай Билич (из Герцеговины), Панто Попович (из Албании).

Одесса, 26 апреля 1861 г.»¹.

Судя по сохранившемуся и опубликованному корпусу эпистолярных текстов В. С. Караджича, он не дал ответа одесским семинаристам, но это тема иная, представляющая больший интерес для биографов знаменитого сербского просветителя.

Окончательное формирование личности И. Пичеты пришлось на завершающий период учебы в Киевской духовной академии, студентом которой он стал в 1863 г. Поиск сведений об этом периоде жизни нашего героя не составил особых сложностей, поскольку документальных источников, связанных с разными аспектами деятельности Киевской духовной академии, предостаточно. Между тем И. Пичета в ряде опубликованных ранее и публикующихся ныне материалов такого рода предстает не совсем узнаваемым, трудно идентифицируемым. К сожалению, отчасти это касается и публикаций, которые исходно воспринимаются как заслуживающие полного доверия. Прежде всего мы имеем в виду официальные списки студентов Киевской духовной академии², где среди выпускников курса XXIII (1863–1867), как и должно быть, значатся

¹См.: *Караџић В. С.* Преписка XII (1859–1862) // Сабрана дела : у 36 књ. Београд, 1965–1998. Књ. XXXI. 1997. С. 758.

²Выпускники Киевской духовной академии 1823–1915 гг. [Электронный ресурс]. URL: petergen.com/bovkalo/duhov/kievda.html (дата обращения: 21.03.2023).

«Билич Николай (серб)» и «Пичета Иван Никифорович (серб)». Формы имен у обоих русифицированы, что вполне объяснимо. Однако даже при поверхностном внимании трудно пропустить вот какую деталь: серб Никола Билич записан без отчества, а Пичета, тоже серб, – с отчеством, причем таким, которое на основании всего известного нельзя считать правильным. Чем же такую неправильность можно объяснить? Учитывая, что у сербов запись имени отца не является общепринятой, как у русских, вполне уместно допущение, что здесь закралась ошибка, совершенная служащим, который составлял этот список. Менее вероятно, хотя тоже не исключается, что такая запись могла быть сделана по подсказке самого выпускника – если предположить, что на тот момент он не знал, как правильно, однако очень хотел, чтобы именно «по-русски» было передано сербское имя отца.

Замечание по поводу узнаваемости нашего героя на основе публикуемых сведений еще в большей степени обусловлено ошибками, содержащимися и оставленными без комментариев в крупном современном московском издании. Имеется в виду следующая информация: «Степан Пичета, родом из Герцеговины, кончил Киевскую Д. Академию и остался на службе в России. Ныне состоит инспектором Полтавской семинарии»¹. Мало того, что неверно указываются имя и должность протоиерея И. Пичеты, так приходится еще и строить догадки, не имеющие разгадок, на каких основаниях он оказался включенным в раздел «Австрийские сербы, окончившие русские духовные учебные заведения». Разумеется, претензии в данном случае должны быть адресованы не только и не столько автору указанной публикации. Он, собственно, лишь приводит – в цитатном виде – служебную записку, которая составлена более ста лет назад по предложению Первого Департамента Министерства Иностранных Дел консулом в Ускюбе (Скопле) А. К. Беляевым. Функция публикатора, вроде бы, и не обязывает проверять достоверность сведений, представленных в консульской

¹ Пилипович Р. Сербь в богословских учебных заведениях России во второй половине XIX века – мнение царского дипломата [Электронный ресурс] // Русский сборник: исследования по истории России / ред.-сост.: О. Р. Айрапетов [и др.]. М., 2013. Т. XIV. С. 143. URL: ostkraft.ru/books/book169_1.pdf (дата обращения: 12.03.2023.)

БОСАНСКО-ХЕРЦЕГОВАЧКИ ТЈАЦИ
ОДЕСКЕ СЕМИНАРИЈЕ — ВУКУ КАРАЦИЋУ
Одеса, 8. мај 1861.

Высокоученный и родолюбивый Господине!

Мы долЕподписани Срби изъ Босне и Ерцеговине, кои се обуча-
вамо овде у Семинариі као питомцы —, усуђуемо се просити Васъ, да
намъ пошлЕте Ваше трудове и іошъ некіе Отечественіе С писателя,
коє Вы знате да ће насъ упознати ближе съ нашомъ Исторіомъ.

УваженЕ къ Вама и Вашіємъ трудовима, а такође незнанЕ
Исторіе Србске побудило насъ є писати Вама и просити Васъ, као
родолюбца и Соотечественника, да неоставите нашу желю неиспу-
нЕномъ. И іошъ Васъ молимо, ако є могуће, да намъ пошлЕте Вашъ
портретъ и другіе нЕкіе отечественіе нашіе С писателя, кои бы намъ
были за украшеніе и славу рода Србскога. Съ пуномъ увЕреношћу, да
ће наша прозба быти испунЕна, остаємо Вама покорни и уважаваюћи
Васъ као родолюбца.

Николай Спаићъ	
Тано Батинићъ	изъ Босне
Димитріе Богичевићъ	
Ристо Бугарчићъ	
Іованъ Пичета	
Стефанъ Говедарица	
Христо Милинковићъ	изъ Ерцеговине
Николай Билићъ	
Панто Поповићъ	из' Албаніе

Одесса 26 Априла 1861 г.

[На коверту:] Высокоученному и родолюбивому Господину Г-ну
Вуку Стеф. Караџићу.
у Бечъ

Воштани печат с иницијалима ДК.
АСАНУ, 8361

Письмо учеников Одесской духовной семинарии
В. С. Караджичу

записке. Тем не менее информация, ошибочно изложенная в свое время, сейчас повторно запускается в обращение, причем кратно активизирующееся вследствие того, что использование ресурсов интернета стремительно расширяется. В некоторой мере оправданием такого казуса может служить то, что как для автора записки, так и для ее публикатора, личность И. Пичеты не могла выделяться особой значимостью на фоне получивших значительно большую известность выпускников Киевской духовной академии – таких, например, как сербские митрополиты Петр (Иованович), Михаил (Милое Иованович) и Иннокентий (Яков Павлович), епископ Никодим (Никола Милаш), архимандрит Иоанн (Раич), общественный и государственный деятель Алипий Василевич, писатель Светолик Ранкович.

Досадных погрешностей того же рода не избежали и современные сербские издания. Так, в оригинальном по замыслу и солидном по охвату материала биографическом словаре «Сербь западнее Дуная и Дрины» помещается и по объему краткая, и по содержанию далекая от достоверности справка «*Пичета Христофоровић Иван*»¹. Уже само «заглавие» здесь дано в странном виде: сербскоязычный текст почему-то включает русифицированную форму имени – «Иван», хотя при крещении в Сербии представляемый человек получил имя *Јован*; и вдобавок то, что по-русски должно быть отчеством, в нем предстает как вторая часть фамилии. Иначе трактовать этот антропоним невозможно, поскольку, во-первых, он помещается перед именем, а, во-вторых, суффикс *-ић* в нем воспринимается однозначно как специфический маркер фамилиеобразования. Справка, помимо этого, содержит общие неверные сведения: «В 1858 году завершил обучение в университете, а затем преподавал как профессор и был ректором духовных семинарий в Витебске и Полтаве». Не меняет сути дела и то, что эти данные приводятся в форме цитатной выдержки из другой публикации, на которую делается корректная ссылка². Ошибка все-таки закрепляется и распространяется дальше.

¹ *Радојчић Ј. С.* Срби западно од Дунава и Дрине: биографије. Књ. 3 : П–Ш. С. 158.

² *Церовић Л.* Срби у Белорусији. Београд, 1997. С. 6.

ТРУД НА НИВЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ В РОССИИ

Жизненная стезя И. Пичеты после окончания Киевской духовной академии поначалу имела тот вектор, который и предполагался. Патриотически настроенный, считавший долгом служить своему народу, выпускник-герцеговинец вместе с земляком Николой Биличем – близким товарищем по начальной школе, а также по семинарии и академии – отправился на родину. Однако пробыл он там недолго. Судя по всему, причина отъезда заключалась в том, что вследствие закономерно-го недоверия турецких властей к российским воспитанникам, как сейчас бы сказали, «возможность трудоустроиться по специальности молодому специалисту не была предоставлена». Впрочем, В. Г. Карасев имел основания объяснить эту причину конкретнее: «Холодный и рассудительный Гарашанин (в то время премьер-министр Сербии. – *И. Ч.*) сумел убедить молодого мостарца в том, что сербский паспорт не спасет его от произвола турецких властей в Герцеговине и посоветовал вернуться в Россию, где он сможет принести большую пользу своему народу, чем у себя на родине»¹. Так или иначе, И. Пичета вернулся в Россию и получил направление на работу в гимназию г. Николаева. Между тем сразу по прибытии в Николаев Иоанн Пичета узнал, что появилась возможность занять вакантную должность преподавателя истории в Полтавской духовной семинарии. Импульсом для такого поворота послужила рекомендация ректора академии, о чем косвенно упоминается

¹Карасев В. Г. Йован Пичета (1844–1920) и его мемуары. С. 420.

в мемуарах: «...О. ректор рекомендовал меня в преподаватели правлению Полтавской семинарии»¹. Прямо и однозначно – по-видимому, развивая процитированное нами упоминание, – пишет об этом и правнук: «В это время руководство Киевской духовной академии разыскало своего воспитанника и сообщило, что имеется вакантное место преподавателя церковной истории при Полтавской духовной семинарии, на которое его и рекомендовало»².

Пожалуй, стоит задержать внимание на учебном предмете, который с самого начала являлся опорной точкой в преподавательской карьере И. Пичеты. Важно подчеркнуть, что этим предметом была именно история, не только в связи с позднее проявившимися его научными интересами и последующими публикациями, но также и ради того, чтобы не вызывало недоверия намеченное нами изначально сравнение Иоанна Пичеты с сыном, а вернее – сына с ним.

Как дипломированному богослову и, соответственно, специалисту требовавшегося профиля названная вакантная должность в Полтавской семинарии была И. Пичете предоставлена. Вместе с тем особое расположение к истории у него сформировалось, судя по ряду признаний, значительно раньше.

На юношу пытливого ума еще в училище (во время «(до-) подготовки») сильное впечатление произвели, как сам он вспоминает, уроки преподавателя истории В. П. Павлова: «Я очень увлекался его рассказами из священной и русской истории и думаю, что прежде всего ему обязан тою любовью к историческим наукам, которая впоследствии доставила мне кафедру общей и русской церковной истории в Полтавской семинарии»³. Любовь эта подпитывалась и наставниками, с которыми впоследствии сводила судьба, в частности семинарским преподавателем истории А. С. Лебедевым. Позднее он стал университетским профессором, и о его роли отец Иоанн писал: «Думаю, что преподавание даровитого наставника имело хоть косвенно

¹Пичета И., *прот.* Факты и воспоминания из школьной жизни герцоговинца. С. 78.

²Соколовский Л. Г. История одной семьи: Йован Пичета и его потомки. С. 137.

³Пичета И., *прот.* Факты и воспоминания из школьной жизни герцоговинца. С. 36.

Полтавская духовная семинария

благотворное влияние на меня и мое последующее увлечение историческими науками»¹. Неслучайно также в Киевской духовной академии особые симпатии у И. Пичеты вызывал профессор И. Малышевский², которого мы еще вспомним в связи с Беларусью. В академии была осуществлена и формальная подготовка именно к такой специализации: «Я прочитал пробные лекции по церковной истории и получил аттестат на право занятия кафедры по сему предмету, не подвергаясь новому испытанию»³.

Для выпускника-академиста герцеговинского серба И. Пичеты, отказавшегося от турецкого гражданства и в 1869 г. принявшего российское, Полтава стала местом прочного укоренения. Здесь он вступил в брак с дочерью киевского чиновника Марией Григорьевной Григоренко (1846–1911); здесь были рождены семеро их детей: сыновья Константин, Александр, Георгий и Владимир (сын Василий родился в Витебске), дочери

¹ Пичета И., *прот.* Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца. С. 42.

² Там же. С. 74.

³ Там же. С. 78.

Любовь, София и Елена. Что же касается преподавательской деятельности в Полтаве, то Ивану Христофоровичу, как к нему стали обращаться на русский лад, со временем довелось преподавать не только в семинарии, но и в светских школах, а также заниматься наукой и литературной работой, активно выступать как в местной, так и в центральной печати. Правда, в «Воспоминаниях» этот большой период освещен довольно скупо по сравнению с тем, что относится ко времени, когда суждено было вернуться в Полтавскую семинарию – уже на должность ректора.

Между двумя периодами пребывания в Полтаве было ректорство в Витебской семинарии, т. е. период, который можно назвать белорусским и которому, соответственно, мы должны уделить особое внимание. В мемуарах он, к сожалению, тоже освещен менее, чем хотелось бы. Объяснять это можно разными причинами. В любом случае нужно учитывать, что тогда протоиерей Иоанн успел сделать лишь первый шаг, обеспечивающий подъем на более высокую ступень служебной лестницы, и что осваиваться в новой ответственной должности вряд ли было легко. К тому же край белорусский во многих отношениях выглядел непохожим на уже знакомое, а для южанина был непривычен еще и в климатическом отношении. Имелись также особые обстоятельства, которые никак нельзя не учитывать: с Витебском у протоиерея Иоанна связана тяжелейшая, невосполнимая утрата – здесь 23 ноября 1888 г. от туберкулеза умер старший сын Константин, студент, необычайно одаренный любимец всей семьи. В воспоминаниях об этом нет ни слова. Впрочем, как и о рождении в том же году младшего сына Василия – будущего студента историко-филологического факультета Харьковского университета, художника и искусствоведа.

Особенность Полоцкой духовной семинарии, возглавить которую довелось протоиерею Иоанну, составляло то, что основывалась она в 1806 г. как униатская, а православной стала уже после Полоцкого собора (1839), ознаменовавшего воссоединение униатов с Православием. В 1856 г. она была перемещена в губернский город Витебск и действовала там до 1917 г., пока советская власть ее не ликвидировала. В наше время,

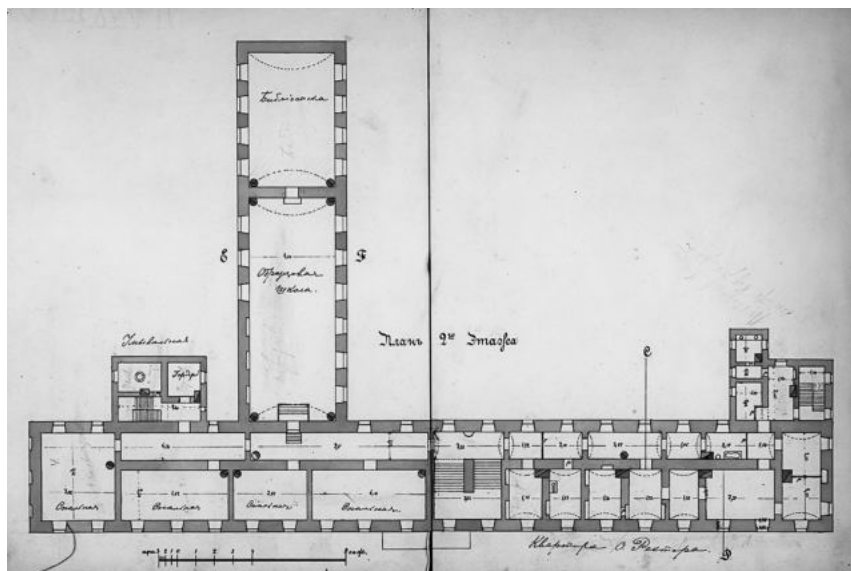
Витебская духовная семинария.
Конец XIX в.

по Божьей воле, Витебская духовная семинария возрождена и ей возвращено прежнее здание.

Некоторые общие сведения о Витебской духовной семинарии можно отыскать в городских и губернских справочниках того времени. Так, в одном из них за интересующий нас год указывается, что Витебская духовная семинария располагается по адресу Набережная р. Двины в собственном здании, а также то, что ее ректором является протоиерей Иоанн Христофорович Пичета. Там же, на другой странице, ректор семинарии упомянут и в функции действительного члена статистического комитета, имеющего адрес: Дворцовая улица, дом Меерзона¹.

При подобных нашему разысканиях исключительно ценны пресловутые «Памятные книжки». Именно такая за 1889 г. подталкивает к интригующему направлению предполагаемых находок. Впрочем, вероятность прямой связи зафиксированного в ней факта со служебной карьерой отца Иоанна

¹Адрес-календарь Витебской губернии. На 1890 год / Витеб. губ. берн. стат. ком. Витебск, 1890. С. 60, 193.

План квартиры ректора Витебской духовной семинарии,
представленный В. Атапиным

минимальна. Однако это обстоятельство любопытно само по себе: служение отца Иоанна в Витебске приходится как раз на то время, когда витебским вице-губернатором был серб по происхождению – Родион Васильевич Депрерадович, представитель рода Прерадовичей (→ де Прерадович → Депрерадович), с середины XVIII в. находившегося на службе Российскому Государству. В той же «Памятной книжке» указывается, что должность младшего помощника правителя канцелярии губернатора занимает Михаил Родионович Депрерадович¹ – судя по всему, сын вышеназванного вице-губернатора, тоже соплеменник новоприбывшего ректора семинарии.

Данные из разных источников позволили выяснить, что в белорусском губернском городе протоиерей И. Пичета оказался вовлеченным во многие дела как епархиального, так и губернского масштаба. Исполняя в качестве основных обязанности ректора и преподавателя семинарии, он также

¹Памятная книжка Витебской губернии. На 1889 год / Витеб. губ. берн. стат. ком. Витебск, 1889. С. 5, 4.

возглавлял епархиальное Витебское братство во имя равноапостольного князя Владимира, входил в состав Витебского комитета Православного миссионерского общества, являлся редактором «Полоцких епархиальных ведомостей», председателем Полоцкого епархиального училищного совета, членом Витебского губернского статистического комитета...

По большому счету все обстоятельства, касающиеся деятельности протоиерея Иоанна Пичеты в Витебске, представляются заслуживающими максимального внимания. Однако остановимся на наиболее существенных, документально зафиксированных моментах. Как уже говорилось, помимо ректорства в семинарии, о. Иоанн принял на себя функции председателя совета Свято-Владимирского епархиального братства, которое образовалось в 1887 г., незадолго до появления в Витебске нового ректора семинарии. Кроме того, почетным членом данного объединения православных жителей Витебщины являлся протоиерей Санкт-Петербургской епархии Иоанн Ильич Сергиев, уже в то время известный во всей православной Руси, а впоследствии причисленный к лику святых – праведный Иоанн Кронштадтский. Некое представление о делах Витебского братства во имя святого равноапостольного князя Владимира, равно как и о функции председателя его совета, дает публиковавшийся в «Полоцких епархиальных ведомостях» отчетный доклад исполнявшего председательские обязанности И. Пичеты. В этом докладе среди прочего отмечалось: «Учреждения, подобные нашему Братству, в настоящее время существуют во многих епархиях, каждый год открываются новые братства с той же целью, с какой открыто и наше. Но, преследуя одинаковые цели, не все братства одинаковым образом осуществляют их, а это, разумеется, зависит от большей или меньшей деятельности их членов, от их любви к своему братству и искреннего сочувствия к его задачам. Братская любовь, какую христиане, по заповеди Спасителя и апостолов, должны иметь друг к другу, служа основой братств, должна постоянно одушевлять братчиков. Любовь всесозидающая, а потому если члены того или другого общества или Братства пребывают в ней, если их деятельность проникнута ею, то они могут и имеют право надеяться на осуществление преследуемой цели. Наше братство имеет

целью: а) заботиться о распространении и утверждении, в пределах нашей епархии, религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви и б) содействовать ослаблению раскола и ограждению православного населения от вредных влияний на него, как со стороны раскола, так и со стороны других инославных вероисповеданий. Чтобы достигнуть предначертанной цели, нам – братчикам нужно проникнуться благоговейной любовью к матери нашей православной церкви и исповедуемой нами вере православной. При любви и искренней преданности к церкви и вере православной, которая сделала наш народ и государство в сонме других народов и государств тем, чем мы есть и чем бы без нее не были, не оскудеют и материальные средства нашего братства, как не оскудевали у братств на юго- и северо-западе России, когда православию угрожала серьезная опасность от католицизма, а русской народности от полонизма. Что спасло миллионы русского народа в Белоруссии и Малороссии и Галичине от потери своей народности? Вера православная. Кто были тогда представители и главные защитники веры православной? Братства. Во всех городах юго- и северозападной России возникли братства, выставившие из среды своих братчиков многочисленных поборников веры православной и русской народности. Братства открывали школы, заводили типографии, печатали священные и богослужебные книги, издавали написанные братчиками сочинения религиозно-нравственного, догматического и политического содержания, заботились о построении и благолепии православных храмов, ограждали внешние права церкви от покушений на них со стороны врагов ее и бесхарактерного, иезуитскими сетями опутанного, литовско-польского правительства. Задачи нынешних братств не так сложны и для выполнения их не нужно столько самоотвержения и самопожертвований, сколько их требовалось от наших благочестивых и любвеобильных предков...»¹

Современный белорусский читатель, ознакомившись с процитированным текстом, будет очень удивлен осведомленности

¹Празднование годовщины открытия Витебского Свято-Владимирского Братства // Полоц. епарх. ведомости. 1888. № 23. С. 593.

И. Пичеты в вопросах, касающихся сложностей межконфессиональных отношений на наших землях. Вряд ли следовало ожидать, что оказавшийся вроде бы случайно в белорусском крае герцеговинец, пусть и высокообразованный, так быстро и легко сориентируется в перипетиях местной истории. Однако такое впечатление все же поверхностно. В действительности автор-докладчик имел самые основательные представления о проблемах, которые взялся освещать. Во-первых, особенности конфессиональных противоречий в Западной Руси являлись предметом пристального внимания ряда лекторов-профессоров Киевской духовной академии. Во-вторых, что более существенно, проблемы такого рода отцу Иоанну были знакомы не понаслышке, а посредством личного и наследственного опыта, обретенного на родине. В данном случае определенное влияние имело то, что современные ученые называют историко-типологическими схождениями. Между прочим, 20 лет спустя в «Минских епархиальных ведомостях» появилась публикация, посвященная проявлению как раз этого сходства, на что недвусмысленно указывалось в ее заголовке – «У нас своя “Босния”»¹. Да и мы вынуждены были уделить внимание историческим коллизиям, которые трагически сказывались на положении православного народа в Герцеговине. (В Боснии, добавим, ситуация практически не отличалась.) Так что для новоприбывшего ректора семинарии, герцеговинца по происхождению и унаследованному опыту, вполне естественным было отстаивать православную веру, что называется, во вселенском масштабе, причем не только в плане идейном, но и действенно, посредством участия в конкретных делах Витебского православного братства, возглавить которое он сподобился.

Автором упомянутой выше публикации «У нас своя “Босния”» являлся Дмитрий Васильевич Скрынченко, редактор «Минских епархиальных ведомостей». В связи с этим стоит обратить внимание на то, как при редакторстве протоиерея И. Пичеты выглядели «Полоцкие епархиальные ведомости».

¹ Скрынченко Д. У нас своя «Босния». Открытое письмо Членам Государственной Думы // Мин. епарх. ведомости. 1908. № 24. С. 790–796.

Отметим, что до него обязанности редактора тоже исполнял ректор Витебской духовной семинарии – протоиерей Иаков Новицкий. Первые три номера издания за 1888 г. подписаны им, в выходных же данных номеров 4–24 указывался «временно заведующий делами редакции: преподаватель дух. семинарии Н. Миловзоров» – непосредственный предшественник протоиерея Иоанна; позднее, в номерах 20–23 за 1890 г. значился уже преемник – «редактор, инспектор семинарии В. Демидовский». Соответственно, редактором тех номеров издания, которые оказались в диапазоне между вышеупомянутыми, являлся протоиерей И. Пичета. По разным причинам нелегко определить, чем же конкретно отличалось издание в период редакционной деятельности о. Иоанна. Все-таки это официальный печатный орган епархии, так что в нем непременно присутствовали соответствующие разделы и рубрики, наполнявшиеся материалами, которые оформлялись однотипно; да и большинство сведений локального характера должно было подаваться в соответствии с типовыми образцами, установленными для такого рода изданий. При этом в «Полоцких епархиальных ведомостях» появлялись весьма содержательные публикации, ценные для читателей и того времени, и современных.

Ценность обусловлена уже тем, что данные публикации посвящены истории Полоцкой епархии, древнейшей на белорусских землях, а еще и таким чрезвычайно значимым и присночтимым событиям, как 900-летие Крещения Руси, 50-летие воссоединения униатов с Православной церковью. Сто́ит, пожалуй, указать на освещение и такого – к сожалению, редко вспоминаемого – происшествия, как чудесное спасение царской семьи 17 октября 1888 г. при катастрофе, когда возле станции Борки Курско-Харьковской железной дороги сошли с рельсов локомотив и четыре вагона императорского поезда, в которых находился император со всем своим семейством¹. Что же касается конкретно редакторских заслуг протоиерея И. Пичеты, то именно они особо отмечались правящим архиереем, епископом Полоцким и Витебским Антонином, во время прощального обеда накануне отбытия отца Иоанна из Витебска:

¹От Полоцкой духовной консистории // Полоц. епарх. ведомости. 1888. № 21. С. 901–902.

«Соглашаясь со всем, что высказано о деятельности о. ректора, я не могу не указать на его деятельность как редактора Полоцких Епархиальных Ведомостей: о. ректор сумел поставить их на должную высоту»¹.

Вышеприведенный перечень разных обязанностей убедительно свидетельствует, что их количество у отца Иоанна было весьма внушительным. Однако основными и предопределяющими его статус являлись обязанности ректорские. Соответственно, для нас наибольший интерес могли бы представлять «живые» впечатления и оценки, непосредственно относящиеся к ректору семинарии, которых, к сожалению, немного. В частности, уникальными во всех отношениях могут считаться воспоминания одного из семинаристов, питомцев о. Иоанна, впоследствии авторитетного церковного деятеля – Георгия Ивановича Шавельского (1871–1951). Уроженец села Дубокрай Витебской губернии, сын сельского диакона, он прошел полный курс обучения в Витебской духовной семинарии, а затем в Санкт-Петербургской духовной академии. В 1911–1920 гг. отец Георгий исполнял высокую функцию протопресвитера военного и морского духовенства, а в 1915–1917 гг. являлся членом Святейшего Синода Русской православной церкви; после Октябрьской революции оказался в изгнании, состоял в клире Русской православной церкви за границей, в 1926 г. перешел в Болгарскую православную церковь. Из-под его пера вышли мемуары, содержащие исключительно богатые сведения об эпохе грандиозного разлома, свидетелем и невольным участником которого он являлся, будучи главным капелланом российской царской армии.

Протопресвитер Г. Шавельский дает колоритный и многоассоциативный портрет нашего героя: «Когда я в Петербурге в музее императора Александра III рассматривал известную картину “Принесение Исаака в жертву”, мне показалось, что изображение Авраама списано художником с протоиерея И. Х. Пичеты: густая грива волос, правильные и выразительные черты лица, длинная с проседью борода, – все как

¹Прощание Витебской духовной семинарии с бывшим о. ректором, протоиереем Иоанном Христофоровичем Пичетой // Полоц. епарх. ведомости, 1890. № 20. С. 876.

у протоиерея И. Х. Пичеты. К сказанному надо прибавить, что он был очень высокого роста и крепкого сложения»¹. Воспоминания Г. Шавельского, помимо впечатляющего портрета, содержат также достаточно развернутую характеристику: «Ученики невзлюбили о. Пичету: он им показался неприступным и слишком строгим. На самом же деле это был очень добрый, заботливый человек, разумный администратор, во многих отношениях улучшивший быт нашей семинарии. Его доброе сердце в особенности проявилось после семинарского бунта 26 октября 1889 г., главным образом против него направленного. В этом бунте он был невиновен, а виновна была группа семинаристов, одни из которых не поняли, а другие оклеветали своего ректора. Бунт проходил безобразно: в огромном семинарском здании были выбиты окна, поломаны некоторые двери: собирались убить самого о. ректора. И это все происходило в то время, когда тут же, в квартире ректора, умирал от туберкулеза его первенец, студент университета. Виновики заслуживали большой кары, но ни один из них не пострадал, так как милостивый о. ректор всем им выхлопотал прощение. В следующем, 1890 г., протоиерей И. Х. Пичета перевелся ректором в Полтавскую семинарию. А скончался он, кажется, в 1920 г., будучи настоятелем кладбищенской церкви в г. Харькове»².

Написанное протопресвитером Г. Шавельским, на наш взгляд, отражает и желание сохранять объективность, однако одновременно доносит и нежелание избавляться от личных симпатий, которые вряд ли можно счесть безосновательными. Дело, конечно же, не исключительно в том, что Г. Шавельский, как семинарист малообеспеченный, но выделявшийся успехами в учебе и примерным поведением, регулярно получал от правления

¹Шавельский Г. И., *протопр.* В школе и на службе. Воспоминания [Электронный ресурс]. М. ; Брюссель, 2016. С. 29. URL: http://www.odinblago.ru/v_shkole_i_na_slizhbe/ (дата обращения: 13.09.2023). Соответствующий фрагмент воспоминаний публиковался также в издании: Шавельский Г., *протопр.* Воспоминания о Витебской семинарии // Ступени. 2006. № 2. С. 32.

²Там же.

семинарии денежное пособие, о чем свидетельствуют опубликованные отчеты¹, поскольку пособие выделялось не только при ректорстве И. Пичеты. Между тем, оно представляло собой материализованную форму поддержки и сочувствия как такового, что, как непреложно следует из характеристики, сохраненной памятью воспитанника, являлось свойством натуры конкретно этого ректора.

Круг общения деятеля такого склада и масштаба, как И. Пичета, был довольно широким и разнообразным. О некоторых входивших в него личностях мы упомянем позже, сейчас задержим внимание вот на чем: подтвердились наши изначальные предположения, что протоиерей И. Пичета был в близком знакомстве и общении с отцом Николаем Околовичем (1863–1934), впоследствии причисленным к сонму священномучеников. Избежать знакомства они просто не могли по той причине, что на время, когда о. Иоанн прибыл в Витебск, а затем на протяжении почти года его ректорства о. Николай являлся полоцким епархиальным миссионером, т. е. осуществлял служение, предполагавшее публичность, по крайней мере известность, среди священнослужителей всей епархии, особенно же находившихся на верхней иерархической ступени.

Кроме того, как раз в период ректорства И. Пичеты священник Н. Околович был переведен из ведомства епархиального в ведомство военно-учебное и назначен законоучителем Полоцкого кадетского корпуса и настоятелем Никольской домово́й церкви в этом учебном заведении. Нет сомнений, что осуществлялось все это также публично, причем новое назначение о. Николая в некоторой мере даже расширяло возможности для сотрудничества, совместной деятельности двух видных священнослужителей-педагогов. Однако самым убедительным и неоспоримым подтверждением их прямого сотрудничества является то, что статьи, проповеди и заметки о. Николая регулярно публиковались на страницах «Полоцких епархиальных

¹От правления Витебской духовной семинарии // Полоц. епарх. ведомости. 1888. № 2. С. 24; № 7. С. 124; № 13. С. 318; № 18. С. 440; 1889. № 13. С. 552.

ведомостей», причем едва ли не в каждом номере, как раз тогда, когда редактором этого издания был И. Пичета¹.

Ректору духовной семинарии не только по статусным обязанностям доводилось иметь также довольно тесные контакты с местными деятелями светской культуры и науки – А. П. Сапуновым и Н. Я. Никифоровским. Знал он также и Д. И. Довгялло, будущего историка, а тогда семинариста. Об А. П. Сапунове в своих мемуарах отец Иоанн не только отзывается с глубоким почтением, но и воспроизводит имевший место вовсе не случайный обмен этнохарактерологическими суждениями. То, что оба собеседника тогда высказали, не утратило значимости и для настоящего времени – во всяком случае, для соответствующего плана современных дискуссий: «Что и как отвечал своим чествователям, точно не помню. Знаю только,

¹Околович Н., *свящ.* Отчет Полоцкого епархиального миссионера об учебно-миссионерской деятельности миссионера Григория Власиева за декабрь месяц 1888 года // Полоц. епарх. ведомости. 1889. № 7. С. 290–300 ; *Его же.* Отчет епархиального миссионера о его миссионерской деятельности в декабре месяце 1888 года (Окончание) // Там же. № 6. С. 256–261 ; *Его же.* Отчет Полоцкого епархиального миссионера о его миссионерской деятельности в январе месяце 1889 года (Окончание) // Там же. № 11. С. 442–451 ; *Его же.* Краткий отчет бывшего епархиального миссионера о его деятельности в феврале и начале марта месяца текущего года // Там же. № 12. С. 488–495 ; *Его же.* Слово в день празднования пятидесятилетия воссоединения с православною церковью западно-русских униатов, сказанное в Полоцком Софийском соборе 7-го июня 1889 года // Там же. № 13. С. 531–549 ; *Его же.* Слово, сказанное во время отпевания тела протоиерея Иосифа Хруцкого // Там же. № 18. С. 745–747 ; *Его же.* Программа для годовичных отчетов о состоянии раскола и противораскольнической деятельности приходского духовенства // Там же. С. 750–762 ; *Его же.* Чтения о Белоруссии в зале Полоцкого Кадетского Корпуса 8 июня 1889 г. // Там же. С. 806–818 ; *Его же.* Речь, сказанная 17-го октября 1889 года пред благодарственным молебствием в первую годовщину чудесного спасения Их Императорских Величеств и Их Августейших детей // Там же. № 23. С. 994–995 ; *Его же.* Слово в день возшествия на престол Государя Императора Александра Александровича, сказанное в церкви Полоцкого Кадетского Корпуса // Там же. 1890. № 7/8. С. 352–355 ; *Его же.* Освящение иконы, сооруженной служащими и учащимися

что на мой отзыв о Белорусах – мягкости их натуры и других хороших свойствах их характера, достопочтеннейший исследователь Белорусской старины А. П. Сапунов, член нынешней (третьей) Государственной Думы, горячо благодарил меня и к сказанному мною добавил: “Белорус по натуре, действительно, мягок, но он умеет быть, когда нужно, и твердым. Несмотря на все невзгоды прошлого белорусов, они сохранили свой язык, свои нравы и обычаи, упорно отстаивали свою прародительскую веру православную. Поддержкою для них всегда была Великая Русь православная. Если так было в мрачную пору жизни белорусов, то что ж удивительного, если теперь белорусы являются и глубоко православными, и искренними верноподданными – теперь, когда нынешние представители духовной и светской власти так “честно и грозно” держат

в Полоцком Кадетском корпусе // Там же. № 9. С. 409–411 ; *Его же*. К вопросу об унии и ея следах в религиозных нравах и обычаях белорусов (Письмо в редакцию) // Там же. № 11. С. 490–492 ; *Его же*. Слово в день коронования Государя Императора Александра Александровича, сказанное в Полоцком градском Николаевском соборе // Там же. № 12. С. 514–517 ; *Его же*. Праздник преподобной Евфросинии в г. Полоцке 23-го мая 1890 года // Там же. № 13. С. 562–565 ; *Его же*. Слово в день преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой, сказанное в Полоцком Спасо-Евфросиниевском монастыре // Там же. С. 565–571 ; *Его же*. Слово, сказанное 31-го мая в Полоцком Николаевском соборе в память воссоединения униатов с православною церковию // Там же. № 14. С. 608–613 ; *Его же*. Слово в неделю 6-ю по пятидесятнице, сказанное в Витебской градской Петро-Павловской церкви // Там же. № 16. С. 708–711 ; *Его же*. Слово в день св. мучеников Бориса и Глеба, сказанное в храмовой праздник в Полоцком Борисоглебском монастыре // Там же. № 17. С. 751–756 ; *Его же*. Отчет Полоцкого епархиального миссионера о его деятельности в первой половине 1890 года // Там же. С. 756–767 ; *Его же*. Слово, сказанное 16-го сентября при освящении церкви в Полоцком духовном училище во имя Нерукотворенного образа Господня // Там же. № 20. С. 860–866 ; *Его же*. Торжество освящения храма во имя образа Нерукотворенного Спаса в Полоцком духовном училище // Там же. С. 866–871 ; *Его же*. Слово, сказанное в Свят. Николаевской Полоцкого Кадетского Корпуса церкви // Там же. № 22. С. 947–949.

знамя православия и русской народности, то знамя, которое так дорого белорусу и на которое всегда устремлены были взоры его»¹.

Мнение о белорусах у отца Иоанна было неизменно положительным – так оно складывалось, что называется, по воле судьбы. Вот что, к примеру, он писал еще в первой книге воспоминаний, когда речь шла о сослуживцах по Киевской духовной академии: «Белорусы – Вишневский, Шимкович, Пригоровский и Попов – были добрейшие и деликатнейшие из товарищей. Первый считался, и действительно был, способным и аккуратным во всех отношениях студентом, но судьба к нему в лице академического начальства оказалась несправедливою. В то время как некоторые из товарищей, и в уме не гадавшие о магистерстве, удостоены этой степени, Вишневского выпустили со степенью кандидата.

Крайне несправедливою судьба оказалась и к благороднейшему из товарищей – Шимковичу Василию (в монашестве Владимир) в его последующей деятельности на высшем иерархическом поприще в сане епископа Нарвского, Сумского, Екатеринославского, Екатеринбургского и Острогского, викария Воронежского, в каковом звании пребывает и ныне, испытывая на старости крайнюю скудость во всем»².

Исключительно пietetную характеристику в мемуарах получил профессор-белорус, которого мы вскользь упомянули выше, затрагивая вопрос о научных интересах И. Пичеты и специализации, закрепившейся на всю жизнь: «Историю русской церкви и временно историю раскола преподавал приснопамятный профессор И. И. Малышевский. Богатство знаний, благородство душевное, доброта сердечная, благожелательное отношение к студентам, трогательное до слез заступничество и за слабейших из них – вот качества незабвенного нашего профессора. Мы благоговели перед ним и считали преступлением уклоняться от слушания его глубокосодержательных лекций, особенно по истории западно-русской церкви, судьбы которой

¹Пичета И., *прот.* Факты и воспоминания из жизни герцоговинца на службе по духовно-учебному ведомству. Харьков, 1913. С. 18–19.

²Пичета И., *прот.* Факты и воспоминания из школьной жизни герцоговинца. С. 62.

доводили нас до слез. Поистине это был основной столп академии и утверждение истинной науки в ней!»¹ Аналогично, почти с таким же пиететом, высказывался протоиерей И. Пичета и о сотрудниках-подчиненных по Витебской духовной семинарии: «По совести скажу, такой цельной личности в нравственно-христианском смысле, какую представлял из себя и без сомнения представляет и теперь дорогой В. Н. (Терлецкий. – И. Ч.), я не встречал между своими коллегами-педагогами на всем пространстве моей долголетней службы, за исключением приснопамятного инспектора Витебской семинарии В. А. Демидовского»²; «... Всегда сохраняю в душе глубокую благодарность к достопочтеннейшему о. Хрисанфу (Пигулевскому. – И. Ч.)»³.

Вряд ли только моментальными вспышками эмоций можно объяснять содержательную насыщенность слов, которые в почтенном возрасте высказывались публично: «После такого внимания, какое оказано мне было в Витебске, конечно, я с печалью покинул его, а впоследствии и не раз пожалел о нем»⁴. Причем подобные признания повторялись: «И снова я пожалел за оставленным мною Витебском, за тамошними добрыми сослуживцами и кроткими питомцами»⁵.

Судя по всему, протоиерей Иоанн пользовался заслуженным авторитетом как у собратьев по служению, так и у священноначалия, т. е. у правящих архиереев – епископа Полоцкого и Витебского Маркелла и прибывшего ему на смену епископа Антонина, бывшего викария Литовской Епархии.

Сводя воедино все отрадное, что могло связываться в памяти отца Иоанна с Витебском, следовало бы повторить, что там у него родился младший сын Василий, а также начал гимназическое обучение сын Владимир и закончила гимназию дочь София. Сведения о дочери нами обнаружены случайно в «Отчете о состоянии Полтавского женского епархиального училища

¹ Пичета И., *прот.* Факты и воспоминания из школьной жизни герцоговинца. С. 74.

² Там же. С. 62–63.

³ Пичета И., *прот.* Факты и воспоминания герцоговинца на службе по духовно-учебному ведомству. С. 19.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 32.

за 1912/13», содержащем такую вот справку: «Воспитательницами в отчетном году... состояли следующие 13 лиц: 1) А. А. Капустянская (с 1887 г.); 2) **С. И. Пичета** (выделено нами. – И. Ч.) (с 1894 г.) <...>; все они, кроме г. Пичеты, окончившей Витебскую женскую гимназию, окончили местное Епархиальное училище...»¹ Там же С. И. Пичета названа в числе преподавательниц чистописания данного училища. Для полноты информации, относящейся к Витебщине, можно добавить, что, по неуточненным данным, в Витебской области позднее проживала и в 1943 г. завершила жизненный путь его дочь Любовь Ивановна. Однако об этом отцу Иоанну уже не дано было знать.

Если же стремиться не упускать из виду парадоксы жизни, то следовало бы упомянуть также о том, что ректор семинарии, он же отец гимназистки-выпускницы Софии и гимназиста-первоклассника Владимира, несомненно, был знаком с инспектором Витебской гимназии Иваном Андреевичем Введенским (1889–1946), сын которого, Александр Введенский (обратим внимание: родившийся как раз во время служения отца Иоанна в Витебске), стал обновленческим «митрополитом», «первоиерархом православных церквей в СССР», работавший на уничтожение истинного русского православия.

Как мы можем судить на основании обобщенного и благодаря временной дистанции отстраненного взгляда, И. Пичета был безусловно способен к активной и результативной деятельности. И на поприще ректора Витебской духовной семинарии он получил достаточные возможности для реализации своего потенциала. В этом плане вряд ли должна была оставаться какая-то личная неудовлетворенность, и содержащиеся в мемуарах положительные оценки и коллег, и условий служения на полоцко-витебской земле представляются вполне искренними. Вместе с тем доводится сожалеть, как уже было сказано, что в мемуарах, посвященных «службе по духовно-учебному ведомству», сведения о витебском периоде очень скудны. Хотя есть тому и частичное объяснение: этот период был относительно кратким, так как определением Св. Синода от 22 августа

¹Отчет о состоянии Полтавского Епархиального Женского Училища в учебно-воспитательном отношении за 1912-й – 1913-й учебный год // Полтав. епарх. ведомости. 1914. № 13. С. 747.

1890 г. протоиерей Иоанн был перемещен на должность ректора семинарии назад в Полтаву. Еще 12 лет ему суждено было исполнять ректорские обязанности в учебном заведении, где до этого он 21 год преподавал.

На первый взгляд, осуществилось возвращение в максимально комфортные для И. Пичеты условия: общая среда, а семинарская тем более, были хорошо знакомы по двум десятилетиям прежнего опыта, к тому же ректорские функции он освоил в Витебске. Однако все оказалось значительно более сложным. Основные трудности были обусловлены не только тем, что к ректорству присовокупились иные функции: гласного городской думы, председателя Свято-Макариевского епархиального братства, председателя епархиального училищного совета и члена губернского училищного совета, председателя педагогического совета при епархиальном женском училище, цензора епархиальных ведомостей. Набор обязанностей, которые позднее стали называться у нас общественными, воспринимался им как непреложная закономерность, а благодаря опыту, приобретенному в Витебске, они стали привычными как по объему, так и по сущности. Да и врожденные свойства характера, вместе с выработанными привычками, давали полное право вот на какую самооценку: «не по образу ленивого раба я проходил свое служение»¹. Даже у появившихся завистников и недоброжелателей вряд ли могли возникнуть претензии по поводу того, как власти оценивали заслуги протоиерея И. Пичеты на ниве духовного просвещения. В частности, он удостоился ряда высоких государственных и церковных наград, а 25 ноября 1897 г. по совокупности заслуг был причислен к российскому дворянскому сословию.

Однако менялись, причем далеко не в лучшую сторону, нравы и настроения российского общества. Изменения неизбежно вторгались в атмосферу духовных школ, что находило отражение на особенностях актуальных функций и статуса ректора семинарии.

Вспомним, что более искушенный в политике протопресвитер Г. Шавельский выразительно подчеркнул значение

¹Пичета И., *прот.* Факты и воспоминания герцоговинца на службе по духовно-учебному ведомству. С. 26.

«семинарского бунта 26 октября 1889 г.», т. е. того, который непосредственно влиял на отношение к отцу Иоанну еще в Витебске, ибо произошел при его ректорстве. Опуская детали, со ссылкой на предшественников об этом упоминают также современные историки: «В 1888–1890 гг. в семинарии произошел первый ученический бунт, сопровождавшийся шумом и битьем стекол, вызванный суровыми распоряжениями ректора протоиерея И. Пичеты. После этого протоиерей Иоанн был перемещен на должность ректора в другую семинарию, а инспектор П. Дружиловский вышел в отставку после 16 лет пребывания в этой должности»¹. Между тем в мемуарах И. Пичеты это явно досадное просшествие даже не упомянуто. Надо полагать, что он не счел нужным фиксировать такое событие, а тем более акцентировать на нем внимание, по разным причинам.

Однако, поскольку подобное стало происходить в Полтавской семинарии, приобретая все более опасные не только лично для него формы, ректор-герцеговинец не мог не упомянуть семинарский бунт в продолжении мемуаров. Скорее, наоборот, Пичета-мемуарист почувствовал необходимость разобраться в причинах происходившего. Правда, жанр воспоминаний, да еще с полем обозрения, которое предопределяла «служба по духовно-учебному ведомству», ограничивал ракурс и масштаб осмысления. Так или иначе, во второй книге мемуаров И. Пичета уже заметно более критичен по отношению к современной ему реальности. Он ведет речь не только о «грязных наветах на мою личность»² со стороны коллег, но также о ряде будораживших общественность происшествий как в семинарии, так и в городе. У нас нет ни малейших намерений, равно как и оснований, опровергать информацию правнука, что «9 августа 1902 г. Пичета, **согласно его прошению** (выделено нами. – И. Ч.), был уволен от духовно-учебной службы»³.

¹Горидовец В., прот. История духовной семинарии в Полоцко-Витебской епархии [Электронный ресурс]. URL: [//rep.vsu.by/handle/123456789/14646](http://rep.vsu.by/handle/123456789/14646) (дата обращения: 12.03.2023).

²Пичета И., прот. Факты и воспоминания герцеговинца на службе по духовно-учебному ведомству. С. 31.

³Соколовский Л. Г. История одной семьи: Йован Пичета и его потомки. С. 139.

Тем более что эти сведения, по всей вероятности, напрямую связаны со следующими словами из воспоминаний прадеда: «Когда же в двенадцатый год моего ректорства скорби общесеминарские того и последующего времени постигли и дорожую мне семинарию и в связи с ними сделана была попытка посягнуть на мое доброе имя, я решил бесповоротно оставить тяжелое и ответственное служение и свое решение не медлил привести в исполнение»¹.

Мы должны принять к сведению и то, что, по мнению некоторых современников, уход отца Иоанна с поста ректора был не совсем добровольным, а поощренным или даже инициированным сверху². В любом случае отставке протоирея-ректора предшествовала цепь имевших резонанс и, естественно, замеченных властями политических событий, к которым оказались причастными учащиеся руководимой им семинарии. К такому выводу подталкивает и все содержание второй книги мемуаров. Если сравнивать часто цитируемые нами две книги «воспоминаний и фактов», трудно не заметить, что они существенно отличаются не только по объему. Вторую из них вполне уместно рассматривать прежде всего как поиск ответов на вопросы о причинах происходившего в подчиненной И. Пичете семинарии. Наверняка зная, что «общественное мнение» в значительной степени списывает вину за это на него лично, ушедший в отставку ректор вынужден был аргументированно объяснить несостоятельность подобных пересудов. Он письменно и публично подробнейшим образом освещал свои реальные дела, направленные на то, чтобы подобное предотвратить: писал о принимавшихся дисциплинарных мерах по отношению к недобросовестным семинаристам и о поощрении тех, кто этого заслуживал; о не всегда поддерживаемых городскими властями и общественными структурами стараниях улучшить быт и иные условия жизни подопечных. При этом большинство фактов освещается с привлечением документальных материалов как общедоступных, так и относившихся к категории внутреннего, т. е. внутрисеминарского, пользования.

¹ Пичета И., *прот.* Факты и воспоминания герцоговинца на службе по духовно-учебному ведомству. С. 78.

² См., напр.: *Иваненко Д. А.* Записки и воспоминания 1888–1908 гг. Полтава, 1909.

Представленные в мемуарах объяснения можно с полным правом считать безусловно искренними и убедительно изложенными.

Вместе с тем суть угрожающих процессов, набравших силу в обществе и в семинарии как его сегменте, бывший ректор И. Пичета оценивал не совсем адекватно. Во-первых, из-за того, что в его восприятии все это было текущей реальностью, а значит, по обычным представлениям, – все равно устремляющейся к лучшему. В данном случае автор «воспоминал» и размышлял о недавно произошедшем почти сразу же после самих событий. Во-вторых, давала о себе знать личная обида или, если выражаться деликатнее, личностная реакция. Как раз поэтому на первом плане оказываются соответствующие факты и аргументы, которые должны свидетельствовать о его личной, персональной невинности, что, разумеется, не всегда подлежит рациональному контролю. Так, отец Иоанн для верного представления о положении дел считает достаточным напомнить о том, что «последняя синодальная ревизия семинарии, происходившая еще в январе 1885 г., нашла ее в неудовлетворительном состоянии, особенно в религиозно-нравственном отношении», что семинария и до него представляла собой не что иное, как «больное место», что «неудовлетворительная сторона учебно-воспитательного дела... не выставлялась на показ»¹. Объективность с нашей стороны требует не упускать из виду и такую обобщающую оценку состояния воспитательной среды в семинариях: «Думаю, что никого не обижу, если скажу, что воспитания, основанного на христианской любви с ее свойствами: милосердием, долготерпением, отсутствием раздражительности и готовности перенести все для блага вверенного нешему пестунству юношества, в семинариях не существовало»².

С дистанции времени видится, сколь недостаточным было внимание И. Пичеты к общей социально-политической ситуации, которая по сути лишь мимоходом охарактеризована в его дальнейших рассуждениях: «Нам угрожала опасность

¹Пичета И., *прот.* Факты и воспоминания герцоговинца на службе по духовно-учебному ведомству. С. 12, 33.

²Там же. С. 76.

от политически неблагонадежных лиц, в значительном количестве проживавших и служивших в Полтаве, без достаточного надзора за ними со стороны местной администрации»¹. Сегодня нам приходится констатировать, что ход истории подтвердил справедливость именно этого заключения. К тому же по обсуждаемому нами поводу публиковались – надо полагать, известные отцу Иоанну – заметки бывших семинаристов признательно самокритичного содержания: «Как-то невольно в своей жизни и суждениях мы стремились попасть в тон “интеллигентному, образованному” человеку, тем более, что и новейшая литература, какой бы нудной она ни была в наших тайных мыслях, шла рука об руку с господствующими взглядами quasi-интеллигенции. Мы невольно себе поставили задачей не отставать от передовых людей. “Передовые” же люди сказали нам ясно и определенно: “религия пережиток”... религия “излишнее ярмо” и пр. И вот, это проклятое мнение духовно чужих людей мешало нам идти по прямой дороге к священству, чему немало содействовала и преступная деятельность той же “интеллигенции”, бросившей злое семя своих мыслей и в народ и успевшей растлить его в значительной мере»².

В связи с развитием процессов, приведших ко всеобщей катастрофе, невозможно пройти мимо того обстоятельства, что в Полтавской духовной семинарии при ректоре И. Пичете учились Георгий Гапон и Симон Петлюра. Справедливости ради подчеркнем, что как раз этот принципиальный ректор их обоих представлял к отчислению.

Современных читателей по многим причинам может притягивать прежде всего судьба «попа Гапона», широко и позорно известного как провокатора, сыгравшего крайне опасную для народа роль в трагическом событии 1905 г., которое вошло в историю под содержащим оценку названием «кровавое воскресенье».

В контексте рассматриваемой темы личность Гапона имеет свою значимость уже потому, что из-за невольной причастности к воспитанию этого отступника от истинной православной

¹ Пичета И., *прот.* Факты и воспоминания герцоговинца на службе по духовно-учебному ведомству. С. 78.

² Лукьянов Н. Напрасные тревоги (Из переживаний недавнего семинариста) // Полтав. епарх. ведомости. 1914. № 13. С. 783.

веры отец Иоанн очень переживал. Ему пришлось неоднократно объясняться в местной печати еще тогда, когда с бурным возмущением на воистину кровавое и роковое происшествие реагировала вся Россия¹. Совершенно правомерно, что и во второй книге воспоминаний Гапону отводится довольно много места².

Движимый желанием с максимальной основательностью разобраться во всем, что произошло, а в какой-то мере также оправдаться перед общественностью, которая составляла свое мнение без должной осведомленности, протоиерей Иоанн подробно излагает всю историю своего знакомства с бывшим подопечным. Он в деталях описывает ряд поступков этого семинариста во время учебы, рассказывает о своем отношении к Гапону и реакциях на его поведение других семинарских преподавателей и воспитателей, а также епархиального начальства.

Из воспоминаний складывается достаточно полная картина семинарского периода жизни становившегося на кривой путь юноши, и нельзя не согласиться с ректором, что такой человек лишь случайно мог попасть в учебное заведение, предназначение которого – вести подготовку духовных пастырей благочестивого народа.

Читателям представляется редкая возможность из первых уст узнать о том, какое впечатление о Гапоне сложилось у ректора изначально и как оно эволюционировало в последующем: «При поступлении на ректорство в сентябре 1890 г. я застал Гапона в IV классе семинарии. Высматривал он довольно скромным юношей, но с пронырливой улыбкой и искательством, что мне всегда не нравилось и вызывало недоверие к таким питомцам. Так как он считался по успехам в числе лучших учеников и инспекцией аттестуем был по поведению баллом 5, то мне не приходилось иметь с ним никакого начальственного дела ни в IV, ни в V классах. По переходе его в IV класс, где я, как преподаватель св[ященно]го писания,

¹См., напр.: К характеристике священника Георгия Гапона (Письмо в редакцию) // Юж. край. 1905. 30 янв. С. 5 ; Еще о Гапоне и по поводу его // Мир. труд. 1910. №1. С. 188–196.

²Пичета И., *прот.* Факты и воспоминания герцоговинца на службе по духовно-учебному ведомству. С. 54, 83–92, 106.

входил в более близкое общение с воспитанниками, нередко заходил к ним во внеклассное время для беседы, знакомился с их нуждами, узнавал их намерения и планы, – пришлось ближе и с ним познакомиться»; «Помню хорошо его один проповеднический опыт, в котором он позволил себе обличать недостатки товарищей, но я его самого обличил в классе и указал ему на евангельского лицемера, замечающего сучок в чужом глазу и не видящего бревна в собственном (Мф. 7:5). Из этого факта видно, что еще в семинарии у него обнаруживались задатки провокаторства <...> Конечно, Гапон не чувствовал симпатии ко мне в семинарии, а по выходе из нее тем более, ибо считал меня главным виновником постигших его неудач»; «До последнего класса Гапон жил в общежитии и пользовался казенным содержанием; в начале же настоящего учебного года он пожелал выйти на частную квартиру и просил дать ему пособие из суммы, жертвуемой духовенством на беднейших студентов. Я отнесся подозрительно к оставлению им общежития и был крайне недоволен его назойливостью о выдаче пособия, о чем и дал ему заметить...»; «... Знаю только, что он не имеет расположенности к духовному званию и домогается первого разряда для поступления в Томский университет»; «Через год или два, точно не помню, Гапон осчастливил меня своим посещением и, с обычною пронырливой улыбкой и смиренным наклонением головы, просил прощения за причиненные мне обиды и благословения на предстоящее ему служение. Я недоуменно спросил, куда же он назначается. Оказалось, что ему предоставлено священническое место при кладбищенской церкви г. Полтавы! Не буду рассказывать, что я перечувствовал по поводу такого благовнимания к молодому человеку, который столько неприятностей причинил воспитавшей его семинарии. Скажу только, что эта милость не по заслугам оказана была Гапону в ущерб правде и, вероятно, не меня одного смутила и заставила очень серьезно подумать о многом, творящемся у нас не так, как бы следовало»¹.

Практически все, что вспоминалось об этом «человеке, опозорившем свой священный сан и причинившем так много горя

¹Пичета И., *прот.* Факты и воспоминания герцоговинца на службе по духовно-учебному ведомству. С. 83–91.

России», действительно не оставляло для педагога иных вариантов, кроме как в сокрушении заключить: «Мне больно, что он был моим питомцем, и что его позорное имя причастно к дорогой мне Полтавской семинарии, но утешаюсь тем, что семинария, в лице председательствуемого мною правления, оценила по достоинству своего недостойного питомца, и не ее вина, что его тянули и тянули в ущерб правде, а он, преуспевающая в беззакониях, дотянул себя и до роковой петли от своих злобных товарищей»¹.

По заслуженному (не)достоинству гражданин Гапон занял соответствующее место и в памяти народа. Так что сейчас вспоминать о нем стоит разве что для назидания. Хочется верить, что как раз такая цель преследовалась и автором анонимного текста, который размещен на интернет-ресурсе под заголовком «Полтава. Гапон и Пичета. Материалы к биографии Г. А. Гапона»² и является сжатым, практически даже не прокомментированным пересказом «гапоновского» сюжета из воспоминаний И. Пичеты. В то же время остается лишь сожалеть, что об этом человеке появляются апологетические публикации, да еще и в прицерковных изданиях³.

Примерно такое же, как к Гапону, не без причин настроенное отношение было у ректора И. Пичеты и к другому семинаристу – Симону Петлюре, впоследствии выдвинувшемуся на роли главы директории Украинской Народной Республики (УНР) и главного атамана ее войска и флота. Ректор тоже настаивал, чтобы С. Петлюра был исключен из семинарии, несмотря на то, что к тому времени он учился уже в выпускном классе. Семинаристу, который, как и Гапон, «не имел расположенности к духовному званию», в мемуарах уделяется пристальное внимание – он фигурирует в четырех довольно развернутых сюжетах.

¹Пичета И., *прот.* Факты и воспоминания герцоговинца на службе по духовно-учебному ведомству. С. 92.

²Полтава. Гапон и Пичета. Материалы к биографии Г. А. Гапона [Электронный ресурс]. URL: <http://ru-history.livejournal.com/3721541.html> (дата обращения: 21.02.2023).

³Трагедия священника Гапона [Электронный ресурс]. URL <https://foma.ru/tragediya-svyashhennika-gapona.html> (дата обращения: 13.03.2023).

Протоиерей Троицкой церкви и настоятель
Иоанно-Усекновенской кладбищенской церкви Иоанн Пичета

Несколько смущать может то, что здесь используется сокращенный (якобы шифруемый для сокрытия истины) вариант написания фамилии. Однако следует учитывать, что автор использовал такой же способ фиксации фамилий во всех подобных случаях, когда речь шла о неблагоприятных поступках тех, кто был жив на момент публикации мемуаров в 1913 г. Тогда о будущей карьере С. Петлюры, как и Октябрьской революции, отец Иоанн не имел представления. Что же касается содержания воспоминаний, то в них детально описывается «узловой» эпизод. Мы имеем право обозначить его так по многим причинам, поскольку он представляет собой завязку соответствующего сюжета, а к тому же многосторонне выявляет позицию ректора по отношению к семинаристам. Ситуация исходно требовала вмешательства оперативного и вместе с тем дипломатичного, а затем – надлежащих выводов.

Приведем достаточно длинную цитату, которая раскрывает ситуацию наилучшим образом: «Направляясь из своей квартиры к архиерейскому дому, чтобы навестить болящего владыку Илариона, я заметил воспитанника VI класса **П-ру** (здесь и далее выделение наше. – И. Ч.), едущего с каким-то господином по направлению к семинарии. Так как извозчик остановился у семинарского подъезда и приехавшие вошли в здание, то я направился туда же, чтобы узнать, кто приехал и кому он или кто ему нужен. Захожу в приемную – никого нет. Пошел на второй этаж, где расположены залы, и здесь застал только что начинающуюся спевку под руководством регента, воспитанника VI класса Сид-ко. Поющих оказалось гораздо больше, чем участвует в хорах церковных. Явившийся господин оказался композитором Лысенко. Я поздоровался с ним, поблагодарил его за внимание к ученикам, но регенту сделал замечание, что он пригласил стороннее лицо без моего ведома. Слушателей пения было достаточно в зале. Некоторые воспитанники, как мне казалось, злобно смотрели на меня и были крайне недовольны моим присутствием. Простоял я более получаса, ожидая конца затеи. Сам Лысенко, видимо, чувствовал себя неловко, и, похвалив пение воспитанников, попрощался с ними и со мною. Я его снова благодарил и просил, если будет в Полтаве в феврале, пожаловать к нам на предполагающийся вечер пения. Воспитанники проводили его рукоплесканиями,

а я сошел с ним до передней, где снова попрощались любезно <...> Без сомнения, не явись я неожиданно в зал, Лысенко остался бы дольше “среди славных полтавских семинаристов” и, вместе с похвалою их пению, сказал бы, может быть, что-нибудь в украинофильском духе. Насколько малорусский композитор поступил бестактно, решившись явиться в закрытое учебное заведение без ведома его начальства, – это он и сам осознал, когда через полчаса оставил семинарию; но я долго не мог успокоиться по поводу его визита, который мог вызвать демонстрацию и сопровождаться крупной неприятностью для меня же, как начальника заведения <...> При обсуждении поведения учеников решено было главных смутьянов и затейщиков поручить особому надзору всех учащих и воспитателей <...> и **П-ру**, как одного из главных вожаков обнаружившегося в семинарии движения, предназначить к увольнению из заведения.

Преосвященный утвердил журнал правления, но, к несчастью, **П-ре** оказана была милость остаться в семинарии до окончания курса. Этот вредный молодой человек и уволенные питомцы причинили нам много неприятностей во второе учебное полугодие, когда начались смуты в семинарии, приведшие к закрытию вторых и второго отделения третьего класса»¹. Затем И. Пичета отмечает следующее: «Видное участие в беспорядках принимали Г-х и Г-ря, проживающие на Фабрикантской ул., в д. Матирного, и **П-ра**, проживающий на Новом Строении у своего отца. 10-го марта он был на Киевско-Полтавском вокзале перед отправлением уволенных из семинарии учеников и говорил им зажигательную речь»².

Таков личный опыт протоиерея И. Пичеты, полученный посредством вынужденного общения с революционизировавшей средой и по разным причинам появлявшимся в ней «деятелями», в том числе из семинаристов. Во многих планах примечателен описанный им «инцидент», который имел место 7 декабря 1896 г. в связи с похоронами бывшего vicария Полтавской епархии епископа Тихона³. Вообще же, отец Иоанн, может быть, и сам того не подозревая, обстоятельно зафиксировал

¹ Пичета И., *прот.* Факты и воспоминания герцоговинца на службе по духовно-учебному ведомству. С. 178, 179, 181.

² Там же. С. 206.

³ См.: Там же. С. 121–123.

ряд существенных моментов ситуации конца 1890 г. – начала 1900-х гг., когда начался процесс брожения с постепенным разложением и в среде семинаристов, поскольку на ней отрабатывались технологии тайной агитации против власти, чтобы организовывать волнения, ведущие к беспорядкам и бесчинствам, а в итоге – к революции, которая кардинальным образом повлияла на историю России и всего мира.

Геополитические процессы последнего времени активизировали внимание к ряду лиц украинской истории, поэтому на протяжении нескольких лет появлялись публикации, в которых по-своему интерпретируются и события, и их участники¹, а предпочтение отдавалось фигурам, которые отличились разрушительными устремлениями по отношению к государственной жизни России.

По причине невольной, а в значительной степени и приписываемой недоброжелателями причастности к опасным делам и неблагонадежным лицам, протоиерею И. Пичете пришлось уйти из семинарии. Сначала он все же оставался на пастырском поприще и при большинстве иных прежних функций, но в 1903 г. оставил Полтаву и перебрался в Харьков. Туда же за ним последовала и дочь София. Там он принял новое священническое послушание и продолжил активно участвовать в жизни Церкви и общества. В частности, служа настоятелем Иоанно-Усекновенской кладбищенской церкви, являлся членом Епархиального комитета и Духовной Консистории, членом Епархиального училищного совета и Совета епархиального женского училища (1906–1909), товарищем председателя Братства Озерянской иконы Божией Матери, блюстителем за преподаванием Закона Божия в мужских средних

¹См., напр.: Симон Петлюра та українська національна революція : зб. пр. Другого конкурсу петлюрознавців України / упоряд. та передм. В. Михальчук ; післям. Д. В. Степовик. Київ, 1995 ; *Степовик Д. В.* Симон Петлюра та його родина: до 70-річчя його трагічної загибелі : док. і матеріали / уклад. В. Михальчук ; ред. В. Полковенко. Київ, 1996 ; Симон Петлюра у контексті українських національно-визвольних змагань : Всеукр. наук. конф., присвяч. 120-літтю з дня народж. Симона Петлюри, 14–15 травня 1999 р. : зб. наук. пр. / Нац. акад. наук України, Ін-т історії. Фастів, 1999 ; Симон Петлюра (Виктор Анатольевич Савченко) [Електронний ресурс]. URL: <http://coollib.net/b/97501/reader> (дата обращения: 12.03.2023).

Первое городское кладбище в г. Харькове,
где похоронен И. Пичета

учебных заведений Харькова, председателем пастырско-законоучительских собраний, членом Православного миссионерского общества, председателем Совета и депутатом Харьковской городской думы (1906–1910) от духовного ведомства, с 1918 г. – председателем правления церковно-приходских советов Харькова¹. Перечень обязанностей, исполняемых человеком почтенного возраста, впечатляет. Однако вполне объяснима востребованность, предопределявшаяся авторитетом, которым обладал к этому времени ученый протоиерей Иоанн:

¹См.: Пичета Иоанн Христофорович // Православная энциклопедия Харьковщины. С. 382–383.

он был удостоен высоких государственных наград – ордена св. Станислава II и III степени, св. Владимира IV и III степени, св. Анны I, II и III степени; заслуженно имел широкое признание как церковно-общественный деятель, историк и писатель. В этот период он даже активизировал литературную и публикаторскую деятельность, о чем свидетельствуют часто появлявшиеся в периодической печати материалы, а также издание двух мемуарных книжек¹ и основательного историко-этнографического очерка². Имеются также свидетельства о его популярности среди харьковчан как вдохновенного проповедника и как ревнителя благочестия в дореволюционное время, но не меньше и после революции, когда настоящее исповедание веры требовало особого мужества.

Для отца Иоанна Харьков стал местом последнего земного пристанища, а также упокоения. Если полагаться на сведения из большинства публикаций, он скончался в 1920 г. Впрочем, насколько нам известно, точная дата его ухода в мир иной до сих пор не названа, во всяком случае в печати. Более того, в приводимой датировке этого факта наблюдаются довольно существенные расхождения: например, А. Д. Каплин осторожно указывает: «...после мая 1918»³; тогда как В. П. Титарь и соавторы время смерти отодвигают на целое десятилетие – 1929 г.⁴ Такую же дату смерти (вероятно, под их влиянием) называет и еще один автор⁵. Мы, не обнаружив пока достоверной

¹Имеются в виду постоянно использовавшиеся нами издания: *Пичета И., прот.* Факты и воспоминания из школьной жизни герцоговинца ; *Его же.* Факты и воспоминания герцоговинца на службе по духовно-учебному ведомству.

²*Пичета И., прот.* Общие сведения о народах славянского племени и частные о южных славянах, болгарях и сербах. Харьков, 1915.

³Пичета Иоанн Христофорович // Православная энциклопедия Харьковщины. С. 382.

⁴Титарь В. П., Парамонов А. Ф., Фефелова Л. И. Сестры Синяковы – харьковские музы футуризма [Электронный ресурс]. URL: (DOC) Сестры Синяковы - харьковские музы футуризма | Andrey Paramonov – Academia.edu (дата обращения: 13.09.2023).

⁵Куделко С. М. О пребывании семьи В. И. Пичеты в Харькове // Актуальные проблемы источниковедения : материалы междунар. науч.-практ. конф. к 135-летию со дня рождения В. И. Пичеты, Минск – Витебск, 9–11 окт. 2013 г. / Витеб. гос. ун-т им. П. М. Машерова. Витебск, 2013. – С. 97.

официальной информации, придерживаемся мнения большинства освещавших биографию И. Пичеты, в том числе прямых потомков¹, что его кончина припала на 1920 г. По поводу места захоронения надежных свидетельств, а значит, и твердой уверенности, у авторов посмертных публикаций тоже нет. Больше всего доверия вызывает версия, согласно которой протоиерей И. Пичета погребен на кладбище при церкви, где он служил настоятелем в последние годы. Реальность между тем такова, что место его могилы в надлежащем виде не сохранено и оказалось забытым уже на втором десятилетии после погребения: «Перед Великой Отечественной войной внук пытался найти его могилу. Кладбищенские нищие сказали, что могила протоиерея Иоанна разрушена»². Так что до времени, когда стала возрождаться нормальность по отношению к могилам всех усопших, а тем более священнослужителей по месту их служения, и самого кладбища не стало: «...в 1972 году первое городское Кладбище было снесено»³. Его фрагмент вместе с кладбищенской церковью сохранился лишь на старом фотографическом снимке.

Правда, сама церковь, как и дом, в котором проживала семья Пичет, остались в сохранности⁴.

¹ Напр.: Соколовский Л. Г. История одной семьи: Йован Пичета и его потомки. С. 139 ; *Его же*. Протоиерей Иоанн Пичета. С. 45.

² Соколовский Л. Г. Протоиерей Иоанн Пичета. С. 45.

³ Куделко С. М. О пребывании семьи В. И. Пичеты в Харькове. С. 97.

⁴ Там же.

РЕКТОР-СЫН ПО ОТНОШЕНИЮ К ОTCY

На протяжении некоторого времени сохранялась надежда, что жизнеописание протоиерея Иоанна Пичеты можно будет дополнить информацией из письменных свидетельств, оставленных его знаменитым сыном Владимиром Ивановичем. Однако надежда оправдалась разве что отчасти. Так, действительно удалось подкорректировать представления об отдельных моментах жизни семьи Пичета в Витебске, с которым у Владимира связано начало гимназического обучения¹. Его записками, в частности, надежно подтверждена информация о том, что И. Пичета был знаком с известным белорусским этнографом Н. Никифоровским, который работал в приготовительном классе гимназии, и Владимир был отдан непосредственно под его опеку. Благодаря названным материалам, не так давно попавшим в печать, прояснился и ряд иных частности.

Между тем все содержание текста Владимира Ивановича Пичеты вряд ли можно считать достоверным. Сомнения возникают уже потому, что он писался в Ленинградском ОДПЗ (Отдельном доме предварительного заключения), т. е. в тюрьме, которая печально известна под названием «Кресты». Соответственно, очень мало оснований воспринимать его как плод чисто литературно-мемуарного творчества. Летопись своей жизни до 1905 г. В. И. Пичета воссоздавал, что наиболее вероятно, по указке следователей, «ожидая отправки в Вятку».

¹Пичета В. И. Моя жизнь до 1905 года // Российские и славянские исследования : науч. сб. / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2009. Вып. IV. С. 301–332.

Из этого следует, что он хорошо понимал: изложенная в требуемом тексте информация может существенно повлиять на его дальнейшую судьбу. Так что «предварительно заключенный» вынужден был представить свое мировоззрение должным образом – как приемлемое для текущего времени, а свои политические взгляды – как безусловно лояльные к существующей власти. Именно это Владимиром Ивановичем и было выполнено, чтобы поверили сотрудники-следователи, а не скептически настроенные потомки, до которых случайно дошел текст, где, в частности, отмечается: «Я ненавидел всеми фибрами своей души старый порядок и приветствовал пролетарскую революцию <...> Я связал себя с Советской властью, с рабоче-крестьянскими массами, по воле которых я широко развернул свои духовные силы и способности»¹. Скорее всего, в расчете на следователей В. Пичете пришлось намеренно подчеркивать неприятие русского «империализма» и «результатов русской колониальной политики»², при этом стремясь убедить своих адресатов, что он никак не против национальной политики СССР. В отдельных случаях ему представлялся уместным и такой акцент, якобы подтверждаемый опытом жизни в Полтаве: «Украинский народный язык был для части школьников ближе, доступнее и более приятен сердцу, чем русский»³.

Разумеется, против подвергнувшегося репрессиям Владимира Ивановича мог быть использован любой неосторожно изложенный факт, а тем более то, что касалось ближайших семейных связей, о которых он так или иначе вынужден был писать. Наибольшую опасность в этом плане, очевидно, представляли два момента: а) отношения с отцом, несмотря на то что он перешел уже в мир иной, однако прежде, в представлении судей из хозяев жизни, являлся ненавистным «служителем культа», распространителем «опиума для народа»; б) связи с братом Георгием, который накануне Октябрьской революции служил заместителем прокура Тобольского окружного суда, а после нее оказался в эмиграции, причем в королевской Югославии.

В любом случае о личности отца и его роли в воспитании нужно было писать так, чтобы развеять всякие подозрения

¹Пичета В. И. Моя жизнь до 1905 года. С. 306.

²Там же. С. 309–310.

³Там же. С. 318.

насчет добрых сыновних чувств, а тем более осознаваемой преемственности. Именно поэтому в записках Владимира Ивановича отношение к отцу и к религии интерпретируется с нарочито заданным нерасположением: «Отец, человек больших способностей и большого умственного дарования, отличался **суровостью** (здесь и далее выделено нами. – И. Ч.) своего характера и **деспотическими** наклонностями...»; «Мой отец, большой сильный человек, которого я **всегда боялся**, был очень **суровым, деспотично настроенным** человеком, вечно занятым уроками, ибо нас было много, и только к старости ставшим удивительно мягким и нежным. Эти новые его качества испытывали на себе его внуки и внучки, в том числе и мои дети»; «с деспотическим характером “герцеговинца”»; «**нерасположение** ко мне со стороны отца»; «Я приобрел много разных сведений, но мне не с кем было поговорить, побеседовать. Я был **далек от отца**, а в сущности, он единственный мог прийти мне на помощь»; «Но с **отцом не был дружен**, в сущности, мы **взаимно не любили друг друга**. Я не переносил деспотизма отца, не любил ему молча во всем подчиняться, часто спорил. Отец не привык к подобным выступлениям. В этой **борьбе с отцом я оставался один**, никем не поддержанный»; «Я был, в общем, далек от всех, в особенности от отца...»¹.

Предварительный вывод о том, что находящийся в заключении сын поневоле должен был писать неправду, обосновывается несколькими наблюдениями. Во-первых, наряду с тем, что цитировалось выше, в данном тексте содержатся описания маловероятных, даже просто невероятных, материальных условий жизни семьи ректора (!) семинарии: «...в доме часто не бывало куска хлеба»². С некоторым пониманием отнестись к написанному можно лишь при учете того, что оно адресовано определенной категории «читателей», главная функция которых – решать судьбы «писательствующих» по их указанию. Невозможно представить также, что в семье преподавателя и ректора духовной семинарии прививалось именно такое отношение к вере, точнее – безразличия к ней, культивировалось

¹Пичета В. И. Моя жизнь до 1905 года. С. 306, 307, 308, 324, 321, 323.

²Там же. С. 308.

явное безбожие, свойственное уже советскому времени: «Нам не навязывали никаких убеждений. Нас не водили в церковь и мало обращали внимания на наше религиозное воспитание. Мы не носили крестильных золотых крестов...»¹ Не подвергать сомнению здесь можно разве что использованную характеристику крестов. Смущает также имеющаяся далее очень показательная – наверно, выскользнувшая из подсознания – оговорка: «...но я с детства любил церковные службы»². Возникает закономерный вопрос: как можно любить службы, если к ним тебя не приобщали, т. е., как процитировано, «в церковь не водили»? Очень странным даже для детской психики (недостаточная организованность, забывчивость и т. п.) выглядит описание случая из гимназического прошлого в Витебске: «Когда /Сер./ (имеется в виду попечитель Витебского учебного округа. – И. Ч.) появился в классе и предложил всем показать, имеются ли у них на шее кресты, я был единственным, у кого его не было... Крест не был надет на шею. Так я его никогда и не носил»³. Подобное крайне маловероятно, как и правдивость заверения, следующего за этим: «Я не был религиозным мальчиком»⁴. Глубинное противоречие, на наш взгляд, кроется и в таком признании: «Я был достаточно начитан в истории философии и прочел с большим вниманием книгу Ланге “История материализма”. Это имело большое значение для моего разрыва с религиозными и идеалистическими взглядами»⁵. Элементарная логика позволяет сделать вывод, что если случился разрыв с определенными взглядами, значит, таковые, т. е. религиозные, существовали.

Интересно, что В. И. Пичета, как будто в контексте негативной характеристики отца, отмечает также весьма важный и положительный для своей судьбы факт: «Отец все время был занят “братушками”-сербами, и немало последних перебывало у нас, ища материальной и моральной поддержки и получая ее всегда. Я ничего не знал о Сербии и сербах, кроме рассказов отца, но меня с детства влекла какая-то симпатия, правда,

¹ Пичета В. И. Моя жизнь до 1905 года. С. 308–309.

² Там же. С. 309.

³ Там же. С. 311.

⁴ Там же. С. 312.

⁵ Там же. С. 325.

не только к сербам и Украине, что впоследствии отчасти и сказалось на моей научной и преподавательской деятельности»¹. Наверное, упомянутое здесь влияние отца на профессиональную ориентацию сына, да и на его жизненный выбор вообще, не требует дополнительных комментариев. Однако интересно другое – указание на то, что у отца постоянно искали и находили поддержку соплеменники. Сам И. Пичета в мемуарах упоминает об этом лишь дважды. Один раз дает как бы официальную справку: «В числе учащихся были у нас и дети Кавказа (4), Болгарии (6), Сербии (5), Черногории (4) и Герцеговины (1). Поступали они к нам по указам Св. Синода или распоряжениям товарища обер-прокурора. Все были с добрым религиозным настроением и только церковное поведение грузина К. Х-ва смущало инспекцию»².

В другом же месте, как нам представляется, отец Иоанн счел нужным выразить свое отношение к учащимся сербам и всем южным славянам с позиций беспристрастно объективного педагога, к тому же представителя российского духовно-учебного ведомства, а оно все-таки предполагало определенную регламентацию отношений между воспитанниками и воспитателями: «Мне очень не нравилось, что в семинарию направляли моих соплеменников, и я более, чем бы следовало, держался далеко от них; не принимал их у себя на квартире, не говорил с ними по-сербски, журил их при обнаружении неуспехов, подвергал выговорам за нарушение школьной дисциплины и взысканиям за малейшее уклонение от правил благоповедения»³. Подозревать бывшего ректора в неискренности оснований нет.

Целесообразно соотнести свидетельства сына с воспоминаниями отца. К тому же и те и другие могут быть существенно подкорректированы с учетом сведений, которые находим у современного исследователя биографий обоих: «Отметим также, что родоначальник русской ветви Пичет приютил в своей многодетной семье и воспитал в духе славянских традиций

¹Пичета В. И. Моя жизнь до 1905 года. С. 309.

²Пичета И., *прот.* Факты и воспоминания герцоговинца на службе по духовно-учебному ведомству. С. 81.

³Там же. С. 156.

дальнего родственника из Мостара Душана Семиза (1884–1955), близкого к студенческим организациям “Черная рука” и “Млада Босна”. Изгнанный из мостарской гимназии за участие в сербском национально-освободительном движении, Семиз вынужден был покинуть Герцеговину и закончил образование в России. Он обосновался в Петербурге и стал российским правоведом, но, как и его воспитатель, остался сербским патриотом и в начале XX века часто выступал в печати с популярными работами о южнославянских народах, был избран членом Сербской Матицы»¹.

Развернутую и фактологически уточненную информацию об упомянутом воспитаннике дает другой российский историк: «Приютил Семиза в Полтаве дальний родственник Й. Х. Пичета, и он **рос вместе с будущим знаменитым славистом и организатором науки В. И. Пичетой** (подчеркнуто нами. – И. Ч.). Окончив юридический факультет Казанского университета, Душан Иванович переехал в Петербург, стал правоведом, работал в городской управе, часто выступал в печати с популярными работами о южнославянских народах <...> Не оставила Душана Ивановича в стороне и Первая мировая война. Уже 29 июля он подал рапорт своему начальству в столичной управе с просьбой предоставить ему долгосрочный отпуск за свой счет, поскольку “желая принести посильную помощь родившему меня сербскому народу, я отправляюсь добровольцем на театр военных действий” <...> После революции Семиз жил в Петрограде (Ленинграде), публиковался в журнале “Новая Европа”. В 1920-е гг. работал юрисконсультom в ленинградском Губисполкоме, а затем – Облисполкоме, подготовил пособие “Спутник управдома”... Однако в 1929 г. последовал арест <...> Но в 1938 г. его вновь арестовали. Содержался он в “Крестах” вместе с Л. Н. Гумилевым. В 1939 г. суд приговорил Душана Ивановича к пяти годам лагерей за шпионаж, охарактеризовав его как “активного участника сербской освободительно-революционной организации”... 14 декабря 1948 г. Семиза опять арестовали и отправили в ссылку в Казахстан, из которой освободили только после смерти Сталина. Тем не менее

¹Горяинов А. Н. В. И. Пичета как поборник единства славян и сторонник идей социализма. С. 286–287.

реабилитирован он был только после смерти, которую встретил в родном городе жены Мышкине в 1955 г.»¹ Такова неординарность судьбы человека, воспитанного протоиереем И. Пичетой.

Возвращаясь к отношениям между сыном и отцом, еще раз обратим внимание на подсознательную связь с родителем, которая выразилась в генетической привычке сына: «Отец пил только кофе, а за ним и я с молодых годов пристрастился к этому замечательному напитку»². Особенно же значимой нужно признать фамильную гордость, звучащую в словах маститого сына-академика уже при конце жизни, когда он размышлял о подлецах, прохвостах и гадостях, которые те делали и делают ему: «Бог с ними! Сохраним честность. Пусть я не буду иметь ордена, пусть я не буду “лауреатом”. Я останусь югославом, герцеговинцем Пичетой. Я несгибающийся»³.

Наверное, не без влияния позиции, занятой В. И. Пичетой под жестким давлением обстоятельств, авторы публиковавшихся в советское время материалов об академике, можно сказать, не замечали его отца. А если и вспоминали, то в случаях когда нужно было соотнести с сыном-ученым и расставить идеологические акценты на расхождениях в мировоззрении и всём, что от него зависит. Противоречия в их взглядах, вероятно, и на самом деле существовали, однако обуславливались прежде всего отношением к революции и сформировавшимся в результате преобразованиям, а также политическим условиям. Ректору первого университета Белорусской Советской Республики и – в рамках общественной нагрузки – председателю Союза безбожников этого учебного учреждения по определению следовало отмежевываться от «поповщины» всех видов и форм. Вместе с тем в тот же период жизни В. Пичеты наблюдаются и иные факты. Например, во втором браке (1919) его женой стала Александра Петровна Соборова, дочь православного священника.

¹Гусев Н. С. Сербь-эмигранты в России, защищавшие интересы родины в годы Балканских и Первой мировой войн. Четыре портрета: М. М. Бойович, И. П. Табурно, Д. И. Семиз, Ч. М. Иоксимович // Столетие двух эмиграций. 1919–2019 : сб. ст. / редкол.: А. Ю. Тимофеев (отв. ред.) [и др.]. М. ; Белград, 2019. С. 27–45.

²Пичета В. И. Моя жизнь до 1905 года. С. 316.

³Пичета В. И. Дневниковые записи 1944–1946 гг.

Мы, естественно, искали не только общность, но и прямое сходство в судьбах отца и сына Пичет. Нельзя сказать, что явно сходного обнаружилось много, причем это касается не только декларирующих сыном расхождений по отношению к вере.

Тем не менее как упомянутое, так и по объективным причинам оставшееся вне поля нашего зрения дало достаточно оснований утверждать, что Иван Христофорович существенно повлиял на формирование Владимира Ивановича – не только как гражданина, но и как историка-слависта, что отмечалось и другими исследователями: «Он оказал на сына глубокое моральное влияние. Всю жизнь Владимир Иванович хранил о нем благодарную память»¹. В любом случае историк рожден от историка: «...Владимир Иванович унаследовал от отца любовь к истории, ее изучению и преподаванию, талант исследователя»².

¹Корольчук В. Д. Владимир Иванович Пичета (Опыт творческого портрета) // Вопр. истории. 1970. № 8. С. 75.

²Карасев В. Г. Йован Пичета (1844–1920) и его мемуары. С. 424.

О ПЕРЕДАННОЙ ПО НАСЛЕДСТВУ ЛЮБВИ К ИСТОРИИ

Посыл относительно переданной по наследству любви к истории можно развить. Осуществляя комментированное чтение воспоминаний И. Пичеты, особенно второй книги, мы имели возможность убедиться, что судьба постоянно держала их автора в причастности к значимым историческим событиям. В отличие от сына, И. Писета не был ни революционером, ни активным участником последовавших за революцией преобразований. Тем не менее он интересен как непосредственный свидетель катаклизмов, близко знакомый со многими личностями, роль которых в истории нельзя назвать малозначительной. Имеются в виду не только Гапон и Петлюра. Прежде всего это оставившие о себе добрую память и потому упоминавшиеся нами славные деятели православия в Герцеговине, а также многие иерархи Сербской и Русской православной церкви, в числе которых митрополит Сербский Михаил (Йованович), митрополит Киевский и Галицкий, впоследствии глава Русской зарубежной церкви Антоний (Храповицкий), архиепископ Харьковской Арсений (Брянцев), епископ Полтавский и Прилукский Иларион (Юшенков) и др., обер-прокурор Священного Синода Русской православной церкви К. П. Победоносцев и управляющий канцелярией Св. Синода В. К. Саблер, протопресвитер Георгий Шавельский. Рядом с ними должны быть как выдающийся российский славист А. Ф. Гильфердинг, так и славные сыны Сербии – военачальники Савва Груич и Димитрий Джурич, видные государственные деятели Илия Гарашанин и Алипий Василевич, политический лидер сербских социалистов Светозар Маркович, знаменитый поэт Лаза Костич...

Однако для нас важен иной аспект – то, что И. Пичета являлся не регистратором давно произошедшего или на его глазах происходившего, а высококвалифицированным историком. Прежде всего нельзя упускать из виду момент, мимоходом обозначенный нами вначале, что он – историк Сербии вне Сербии, причем вполне реализовавшийся в стремлении дать восточным славянам как можно более верные представления о прошлом и настоящем своей родины. В этом плане вряд ли будет преувеличением аттестация его как первопроходчика по ряду вопросов и носителя сведений, в надежности которых не было оснований сомневаться. Именно этим обусловлена значимость первой из историографических работ И. Пичеты, вынесенных на суд научной общественности¹, что подтверждается и тем, что она была опубликована не в периферийном, а в московском журнале, и тем, что до сих пор, спустя полтора века, эту публикацию указывают в ссылках практически все исследователи истории православия на славянских землях и авторы пособий для духовных школ².

Содержание данной работы не утрачивает ценности, поскольку ее автор проявил незаурядную осведомленность и серьезно выверенное владение материалом. Востребованной и сегодня публикацию делает не только насыщенность важными сведениями, но и последовательная принципиальность, с которой автор отстаивает православную точку зрения на все перипетии сербской истории, тогда как многие ее события в получавшей распространение литературе освещались по-разному. И. Пичета отталкивался от мнений разных авторов, среди которых и католики, и протестанты, и представители иных вероисповеданий, но, руководствуясь своими знаниями и убеждениями, он вступал в полемику со многими, в том числе и с признанным российским славистом А. Майковым, и даже с имевшим весьма высокий авторитет П. Шафариком... У него по вполне понятным причинам неизменно проявлялось

¹Пичета И. Очерк истории православной сербской церкви // Православное обозрение. 1870. Первое полугодие. М., 1870. С. 86–102, С. 484–506, С. 621–642.

²См.: Скурят К. Е. История поместных православных церквей : в 2 т. М., 1994 ; Блохин В. С. История поместных православных церквей. М., 2004 и др.

правомерно критическое отношение к политике как Турции, так и Австрии, а соответственно, и к действиям католической церкви на сербских землях, целенаправленно осуществлявшей все возможное, чтобы разделить сербов как единый этнос: «Это религиозное разъединение сербов разъединило и их национальность, так что родные братья не носят теперь общего всем названия сербов, а каждый называет себя именем того вероисповедания, к которому принадлежит. Католик серб называет себя латинянином, так как католицизм составляет принадлежность по преимуществу латинской нации, серб магометанин – турком; только серб православный носит имя серба, которое тождественно с именем православного христианина»¹.

Что касается методологии рассматриваемого труда, то прежде всего нельзя не отметить его научной основательности. Фундаментальный очерк И. Пичеты хронологически охватывает VII–XIX вв. Разумеется, не все упоминаемые события освещаются с одинаковой пристальностью, но изложение подчинено вполне объяснимой авторской логике, что распространяется практически на все содержание. Возьмем, к примеру, вопрос о том, почему Средневековью уделяется сравнительно больше внимания, нежели Новому времени. Ответ, скорее всего, заключается в том, что, во-первых, из-за существенной временной дистанции и практической недоступности документальных материалов тех времен они более всего оказались подвергнутыми произвольным интерпретациям; а во-вторых, им вследствие проявившегося влияния на судьбы определенных народов свойственны противоречия в восприятии. Сербская история у отца Иоанна предстает как центральная. При этом автор постоянно держит в поле зрения все сербские земли, хотя научная установка на беспристрастность не мешает проявляться силе притяжения родины – истории и современному положению Герцеговины уделяется особое внимание.

Примечательно, что в качестве надежных источников И. Пичета использует публикации своих земляков, о которых мы уже упоминали, – иеромонаха Прокопия Чокорило, архимандрита Иоанникия Памучины.

Стиль очерка обусловлен жанром – он изначально свободный, безо всяких демонстраций наукообразия. Его автор

¹Пичета И. Очерк истории православной сербской церкви. С. 87.

допускает и не особо приемлемое для историографических работ условное наклонение – например, использует его в рассуждениях о ситуации выбора, которая существовала для сербов, как и для хорватов, в период Сплитского собора (925 г.): «Будь в то время “медоточивое” письмо Иоанна Х к старейшинам сербского народа написано в ином тоне – будь посланные им для созвания собора легаты умереннее и сдержаннее в определениях – сербы, еще не вполне окрепшие в православии, может быть, подобно хорватам, и склонились бы на сторону латинства. Крутые постановления Сплетского собора спасли их; юная сербская церковь не хотела расставаться с дорогим наследием Кирилла и Мефодия; она прервала сношения с деспотическим Римом и верно сохранила семена, хотя и поросшие плевелами, православного восточного учения до самого св. Саввы, когда эти семена, очищенные от плевел, принесли достойный плод»¹.

Следует отметить, что обозначенное нами тематическое поле И. Пичета не оставлял и в последующем. Свои исторические заметки о положении православной церкви под игом Турции он публиковал также в «Полтавских епархиальных ведомостях» за 1875–1876 гг. Посредством публичных устных выступлений и опубликованных материалов И. Пичета знакомил широкую общественность с исторической и современной жизнью братьев-славян². Вообще, список историографических и близких к этому профилю публикаций протоиерея Иоанна (см. с. 84–85) свидетельствует о довольно широком диапазоне тем, в которых затрагивается не только связи его родной Сербии с Россией.

Немало историографических и историософских рефлексий, как мы убедились, содержится в мемуарах И. Пичеты. Неслучайно нами цитировался вводный раздел «Фактов и воспоминаний из школьной жизни герцеговинца» с соответствующим заглавием – «Судьба моей родины и сербского народа» и с содержанием, которое было весьма кстати при обзоре исторических событий. Напомним, что в экскурсах протоиерея Иоанна кратко и в то же время вполне основательно, представлены

¹Пичета И. Очерк истории православной сербской церкви. С. 484.

²Пичета И., *прот.* Общие сведения о народах славянского племени и частные о южных славянах: болгарях и сербах.

узловые моменты исторической судьбы сербов. Причем, как отмечалось по иному поводу, позиция автора в них выражается с последовательной принципиальностью, независимо от того, насколько она совпадает с общепринятой. Такого принципа И. Пичета придерживался на протяжении всей жизни. К примеру, в первой книге воспоминаний он дал нетипичную для историографии как своего времени, так и нынешних дней, оценку массового переселения сербов в конце XVII в. при патриархе Арсении III (Чарноевиче): «Этот недалновидный духовный глава сербского народа, прельщенный обещаниями иезуитского правительства Австрии увлек за собою 37 тысяч фамилий, что составляло полмиллиона населения, и переселился в 1690 г. в пределы Австро-Венгрии для защиты ее границ от турецких полчищ. Сколько при этом и других случаях погибло народа, можно судить по признанию еще более недалновидного патриарха Арсения IV Иоанновича, следовавшего за своим предшественником в пределы австрийские по заключении в 1749 г. Белградского мира: из ста тысяч беглецов только десять тысяч успели вместе с ним и тремя епископами укрыться в Австрии, а остальные погибли <...> Выселение сербов из Старой Сербии сопровождалось самыми пагубными последствиями для всего сербского народа как в политическом, так и в религиозном отношении. На опустелых землях поселились албанцы, которые своею дикостью и фанатизмом еще больше турок притесняли оставшееся на родине православное сербское население»¹. Такая же точка зрения отражена в написанном ранее «Очерке истории православной сербской церкви»².

Отдельного разговора заслуживают реакции протоиерея Иоанна на актуальные события на родине. Он внимательно следил за ними, серьезно анализировал их развитие, чему способствовали поездки в родные края из России (известно о четырех таких – в 1862, 1870, 1873 и 1879 гг.). Соответственно, он мог составить о происходящем выверенные и достойные доверия выводы. У современного поколения, которое может

¹Пичета И., *прот.* Факты и воспоминания из школьной жизни герцоговинца. С. 3–4.

²Пичета И. Очерк истории православной сербской церкви. С. 635.

опираться на более чем вековой исторический опыт, есть возможность убедиться в проницательности высказанных о Иоанном суждений. Одно из них, например, касается результатов австрийской политики в связи с отторжением герцеговинско-боснийских земель: «Аннексия Боснии и Герцеговины – это смертельный акт для политической жизни сербского народа, который навсегда должен расстаться не только с надеждою, но и с мыслию о своем объединении»¹. Нельзя не признать, что предпологавшееся И. Пичетой подтвердилось.

Второе из суждений касалось оценки перспектив «Старой Сербии», в частности Косова и Метохии: «Можно еще мечтать, подобно поэту-королю Николаю Черногорскому, о Старой Сербии с Призреном, бывшим столицею сербского царства, Печи – столице сербских патриархов, “высокими Дечанами” – знаменитым монастырем, построенным отцом царя Душана, королем Стефаном (1321–1336), мощи которого там почивают, и Косовом поле, где в 1389 г. погибло “сербское царство и господство”, но воссоединение их с Черногорией и Сербией едва ли когда-либо осуществится. И препятствие к этому встретится не столько в возрождающейся воинственности турок и младо-турецком конституционно-политическом курсе, сколько со стороны Австро-Венгрии, которая при первом благоприятном случае посягнет на Старую Сербию для проложения себе беспрепятственного пути до Солуня»². И это оказалось верным. Способность И. Пичеты правильно оценивать текущие исторические события подтверждается позднейшими процессами, вплоть до последнего времени.

В мемуарах протоиерея И. Пичеты содержится и ряд, на первый взгляд, малозначимых моментов истории. Например, для историков православия и межцерковных взаимоотношений несомненную ценность должны представлять уникальные «живые» свидетельства о «дяде Иосифе» – «духовно-политическом вожде болгар-униатов», с которым будущему православному деятелю И. Пичете довелось лично встречаться на заре своей юности, еще в Одесском пансионате. Разумеется, впечатления

¹ Пичета И., *прот.* Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца. С. 5.

² Там же.

молодых лет в воспоминаниях обогащены знаниями и последующим жизненным опытом, но как раз это и придает им особую значимость. Постараемся ее понять: «Выдающимся событием в жизни пансиона было посещение его, кажется, в июне 1860 г., болгарским униатским архиепископом Иосифом. Муж сей, известный у болгар под именем “дядо Иосифа”, сделался в некотором роде знаменитостью, благодаря своему неведению, своей крайней простоте, граничащей со слабоумием. Знаток болгарских гор, где он долго подвизался как “четник”, на старости лет подумал и о своей многогрешной душе. На Шипке он сложил из камней скитик с церковкою во имя св. Николая Чудотворца и стал здесь подвизаться в ожидании близкой кончины. Но судьба к нему была милостива. Старый “гайдук” балканский вдруг превратился в высшего духовно-политического вождя болгар-униатов! Как же это случилось? Каким образом изживающий из ума старик, едва умевший нацарапать свое имя, мог достигнуть сего высшего звания?»¹

Иоанн Пичета не только описывает, но и дает описываемому объяснение с позиций историка и, как сейчас бы сказали, политолога: «Наиболее нетерпеливые из болгар стали поговаривать об унии с римской церковью. Глашатаем этого движения явился Драган Цанков, тот самый болгарский деятель, который в последствии времени сделался и продолжает быть самым ярким националистом, а вместе якобы и русофилом. Он и его единомышленники, вдохновляемые и покровительствуемые тогдашним всесильным французским посольством в Константинополе и папским нунцием, открыто приняли унию и для возможно больших успехов ее в среде болгар просили, чтобы папа поставил им в архиепископы болгарина. Отъявленный враг православия и мира на православном востоке, папа Пий IX, в мечтах узрев в своем лоне новую дочь – всю болгарскую церковь, не преминул дать согласие на удовлетворение просьбы отщепенцев. Оставалось подыскать подходящее для высокого сана лицо. В среде болгарского духовенства нелегко было найти сознательного отступника от веры отеческой, и стали искать такого между бессознательными.

¹Пичета И., *прот.* Факты и воспоминания из школьной жизни герцоговинца. С. 50–51.

Несчастный “дядо Иосиф” увлечен был в непостижимое для его ума дело»; «Из Одессы “дядо Иосиф” отбыл на жительство в Киево-Печерскую лавру. <...> Хотя он отрекся от унии самым фактом тайного отъезда в Россию, но незадолго до смерти его униатское святительство использовано было более, чем политично. Его с большою помпою возили в Холмщину, где он торжественно совершал богослужения и рукополагал священников для униатских церквей!»¹

Несомненный интерес представляет также содержащийся в воспоминаниях² краткий экскурс в историю связей Сербии с Киевской духовной академией, в частности, упоминание значительного ряда ее выпускников – выдающихся деятелей Сербии, России и Болгарии. Вообще, во всех произведениях И. Пичеты зримо и незримо присутствует, как сейчас принято говорить, всеобщий исторический контекст.

Сказанное об Иоанне (Йоване, Иване Христофоровиче) Пичете уместно будет подытожить следующим образом: знакомство с обстоятельствами жизни и деятельности, а также с его доступными публикациями, дает нам полное право свидетельствовать, что он – мудрый педагог, проникательный мемуарист, на редкость основательный историк, летописец православного просвещения на юге России, принципиальный публицист и при этом – настоящий сербский патриот и убежденный славянолюб. Так что никак нельзя допустить, чтобы память о нем исчезла.

¹ Пичета И., *прот.* Факты и воспоминания из школьной жизни герцоговинца. С. 50–51.

² Там же. С. 53–57.

ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ И. ПИЧЕТЫ

Сочинения

Пичета, И., прот. Факты и воспоминания из школьной жизни герцоговинца / прот. В. И. Пичета. – Харьков : Мир. тр., 1911. – 79 с.

Пичета, И., прот. Факты и воспоминания герцоговинца на службе по духовно-учебному ведомству / прот. В. И. Пичета. – Харьков : Мир. тр., 1913. – 219 с.

Пичета, И., прот. Общие сведения о народах славянского племени и частные о южных славянах, болгарях и сербах / прот. В. И. Пичета. – Харьков : Епарх. тип., 1915. – 33 с.

Пичета, И., прот. Памяти преосвященного Илариона [Ивана Ефимовича Юшенова, 1824–1904], епископа Полтавского / прот. И. Пичета. – Харьков : Епарх. тип., 1914. – 61 с.

Публикации в периодических изданиях

Пичета, И. Очерк истории православной сербской церкви / И. Пичета // Православ. обозрение. – 1870. – № 1. – С. 86–102 ; № 2. – С. 484–506 ; № 3. – С. 621–642.

Пичета, И. Исторические заметки о состоянии Православной церкви у южных славян / И. Пичета // Полтав. епарх. ведомости. – 1875. – № 5. – С. 221–236 ; № 6. – С. 275–289 ; № 7. – С. 343–358.

Пичета, И. Нечто о состоянии православной церкви под игом Турции / И. Пичета // Полтав. епарх. ведомости. – 1876. – № 7. – С. 245–283.

Пичета, И. Церковные сношения России с восточными христианами и участие ее в судьбе их / И. Пичета // Полтав. епарх. ведомости. – 1877. – № 8. – С. 303–323 ; № 10. – С. 392–404 ; № 12. – С. 474–492 ; № 17. – С. 717–744.

Пичета, И. О преобразовании духовно-учебных заведений при императоре Александре I / И. Пичета // Полтав. епарх. ведомости. – 1878. – № 9. – С. 439–462.

Пичета, И. Десятилетие Полтавского епархиального женского училища / И. Пичета // Полтав. епарх. ведомости. – 1878. – № 23.

Пичета, И. Что сделано в царствование императора Александра II по духовному ведомству и министерству народного просвещения для развития и преуспевания учебно-воспитательного дела в России / И. Пичета // Полтав. епарх. ведомости. – 1880. – № 8. – С. 326–384.

Пичета, И. Борьба греков за политическую и религиозную независимость / И. Пичета // Полтав. епарх. ведомости. – 1881. – № 16. – С. 780–803.

Пичета, И. Обзор деятельности епархиальных съездов духовенства Полтавской епархии / И. Пичета // Полтав. епарх. ведомости. – 1882. – № 21. – С. 1023–1043 ; № 22. – С. 1079–1114 ; № 23. – С. 1149–1165.

Пичета, И. Св. Патриарх Афанасий Пателарий, Лубенский чудотворец, и современное ему состояние церкви Константинопольской / И. Пичета // Полтав. епарх. ведомости. – 1883. – № 21 – С. 1018–1044 ; № 22. – С. 1075–1095 ; № 23. – С. 1121–1145.

Пичета, И. Краткий очерк жизни и деятельности славянских первоучителей Кирилла и Мефодия / И. Пичета // Полтав. епарх. ведомости. – 1885. – № 13. – С. 672–718 ; № 15. – С. 764–804.

Пичета, И. Сведения о Переяславско-Полтавской семинарии за время от 1798 по 1818 / И. Пичета // Полтав. епарх. ведомости. – 1887. – № 20. – С. 707–737 ; № 21. – С. 757–780 ; № 24. – С. 949–970 ; 1888. – № 2. – С. 66–92 ; № 3. – С. 115–129 ; № 5. – С. 226–240 ; № 7. – С. 288–312 ; № 8. – С. 331–372.

П. И. Х. (Пичета, И. Х.) Еще о Гапоне и по поводу его / И. Х. Пичета // Мир. тр. – 1910. – № 1. – С. 188–196.

Пичета, И., прот. Факты и воспоминания из школьной жизни герцоговинца / И. Пичета // Вера и разум. – 1911. – № 2. – С. 201–228 ; № 3. – С. 360–376 ; № 4. – С. 511–524 ; № 5. – С. 648–660.

Пичета, И., прот. Факты и воспоминания из жизни герцоговинца на службе по духовно-учебному ведомству / И. Пичета // Вера и разум. – 1911. – № 18. – С. 796–814 ; № 19. – С. 58–78 ; № 20. – С. 226–240 ; № 22. – С. 514–530 ; № 24. – С. 795–802 ; 1912. – № 2. – С. 222–234 ; № 4. – С. 499–516 ; № 8. – С. 260–266 ; № 9. – С. 403–414 ; № 10. – С. 528–546 ; № 11. – С. 656–688 ; № 17. – С. 655–676 ; № 18. – С. 801–824 ; № 19. – С. 87–100 ; № 20. – С. 247–260 ; № 21. – С. 379–400 ; 1913. – № 1. – С. 83–94 ; № 3. – С. 371–384 ; № 5. – С. 667–676 ; № 6. – С. 792–800 ; № 7. – С. 75–104 ; № 8. – С. 234–258 ; № 14. – С. 228–250 ; № 15. – С. 374–382.

Пичета, И., прот. Памяти преосвященного Илариона [Ивана Ефимовича Юшенова, 1824–1904], епископа Полтавского / И. Пичета // Вера и разум. – 1914. – № 3. – С. 298–316 ; № 5. – С. 576–592 ; № 6. – С. 706–732.

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И. ПИЧЕТЫ

Публикации, посвященные И. Пичете

25-летие священства протоиерея И. Х. Пичеты // Харьк. губерн. ведомости. – 1913. – 13 марта.

[Босанско-херцеговачки ђаци Одеске семинарије – Вуку Караџићу] // Караџић, В. С. Сабрана дела : у 36 књ. – Београд : Просвета, 1965–1998. – Књ. XXXI : Преписка XII (1859–1862). – 1998. – С. 758.

Горяинов, А. Н. В. И. Пичета как поборник единства славян и сторонник идей социализма / А. Н. Горяинов // Славянский альманах 2001 / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения ; редкол.: Т. И. Вендина [и др.]. – М. : Индрик, 2002. – С. 286–303.

Горяинов, А. Н. Протоирей Иоанн Пичета и его потомки (из родственных связей Душана Семиза) / А. Н. Горяинов // Ученский сборник / отв. ред. О. Б. Карсаков. – Мышкин : [б. и.], 2003. – Вып. 4–5. – С. 86–94.

Иваненко, Д. А. Записки и воспоминания 1888–1908 гг. / Д. А. Иваненко. – Полтава : Полтав. голос, 1909. – 285 с.

Карасев, В. Г. И. Х. Пичета (1844–1920) / В. Г. Карасев // Славяне в эпоху феодализма. К столетию академика В. И. Пичеты / редкол.: Л. В. Черепнин (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1978. – С. 135–149.

Карасев, В. Г. Йован Пичета (1844–1920) и его мемуары / В. Г. Карасев // Balkanika VIII = Балканика VIII : У част осамдесетогодишњице академика Васе Чубриловића / Међуакад. координац. ком. за балканологију Савета Акад. наука и уметности СФРЈ и Балкан. ин-та ; уред. М. Беговић. – Београд, 1977. – С. 415–425.

Мельчакова, К. В. Босния и герцеговина в общественно-политической жизни России в 1850–1870-е гг. [Электронный ресурс] / К. В. Мельчакова. – Режим доступа: <http://konf.x-pdf.ru/18istoriya/176444-7-bosniya->

gercegovina-obschestvenno-politicheskoy-zhizni-rossii-1850-1870-e-gg.php. – Дата доступа: 13.10.2022.

Ольский, З. П. Прощанье бывшего ректора Полтавской духовной семинарии, протоиерея И. Х. Пичеты со своими питомцами и сослуживцами / З. П. Ольский // Полтав. епарх. ведомости. – 1902. – № 32. – С. 1355–1367 ; № 33–34. – С. 1421–1434.

Павловский, И. Ф. Краткий биографический словарь ученых и писателей Полтавской губернии с половины XVIII в. / И. Ф. Павловский. – Полтава : Полтав. уч. архив. комис. – 1912. – С. 152–153.

Павловский, И. Ф. Полтавцы: Иерархи, государственные и общественные деятели и благотворители. Опыт краткого биографического словаря Полтавской губернии с половины XVIII в. / И. Ф. Павловский. – Полтава : Полтав. уч. архив. комис., 1914. – С. 229–230.

Пичета, В. И. Моя жизнь до 1905 года / В. И. Пичета // Российские и славянские исследования : науч. сб. / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. ред) [и др.]. – Минск : БГУ, 2009. – Вып. 4. – С. 301–326.

Пичета Иоанн Христофорович // Православная энциклопедия Харьковщины / сост. А. Д. Каплин. – Харьков : Майдан, 2009. – С. 382–383.

Пичета, К. В. Владимир Иванович Пичета (Из воспоминаний дочери) / К. В. Пичета // Славяне в эпоху феодализма: К столетию академика В. И. Пичеты / редкол.: Л. В. Черепнин (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1978. – С. 106–134.

По поводу 25-летия педагогической деятельности отца, ректора Полтавской семинарии, протоиерея Иоанна Хр. Пичеты // Полтав. епарх. ведомости. – 1893. – № 5. – С. 160–167.

Соколовский, Л. Г. Протоиерей Иоанн Пичета / Л. Г. Соколовский // Моск. журн. История государства Российского. – 1998. – № 1. – С. 39–45.

Соколовский, Л. Г. История одной семьи: Йован Пичета и его потомки / Л. Г. Соколовский // Вопр. истории. – 1999. – № 9. – С. 136–142.

Титарь, В. П. Сестры Синяковы – харьковские музы футуризма [Электронный ресурс] / В. П. Титарь, А. Ф. Парамонов, Л. И. Фефелова. – Режим доступа: (DOC) Сестры Синяковы - харьковские музы футуризма | Andrey Paramonov - Academia.edu. – Дата доступа: 13.09.2023.

Чарота, I. Рэктар, бацька рэктара / I. Чарота // ЛіМ. – 2009. – 9 кастр. – С. 15.

Чарота, И. Ректор, отец ректора / И. Чарота // Союз Евразия. – 2017. – №18. – С. 5.

Чарота, И. Богослов, историк, отец... / И. Чарота // Наше Православие. – 2017. – № 9 (15 сент.). – С. 5.

Чарота, И. Иоанн Пичета (1844–1920) – богослов, историк, отец знаменитого историка / И. Чарота // Ведомости Мин. Митрополии. – 2017. – № 12 (142). – С. 55–67.

Чарота, И. Историк Сербии вне Сербии и сын / И. Чарота // Врата небесные. – 2018. – № 8. – С. 8–12.

Чарота, И. Јован Пичета (1844–1920) – богослов, историчар, отац знаменитог историчара / И. Чарота ; прев. са рус. Д. Лазаревић // Летопис Матице Српске. – 2019. – Књ. 503, св. 6. – С. 818–843.

Чарота, И. А. Јован Пичета (1844–1920) – богослов, историчар, отац знаменитог историчара (есеј) / И. А. Чарота ; прев. са рус. Д. Лазаревић // Нова Зора. – 2019. – № 61/62. – С. 141–160.

Шавельский Г., протопр. Воспоминания о Витебской семинарии / протопр. Г. Шавельский // Ступени. – 2006. – №2. – С. 22–32.

Universitas personarum : site. Режим доступа: <http://uni-persona.srss.msu/site/research/zajonch/tom3-2>.

Публикации, в которых встречаются упоминания об И. Пичете

Адрес-календарь Витебской губернии. На 1890 год / Витеб. губерни. стат. ком. – Витебск : Тип. М. Б. Неймана, 1890. – С. 60, 193.

Баранова, Е. В. Владимир Пичета: Белорусское обрамление исторического портрета (К 130-летию со дня рождения) / Е. В. Баранова, О. А. Янковский // Российские и славянские исследования : науч. сб. / редкол.: А. П. Сальков [и др.] ; О. Я. Яновский (отв. ред.). – Минск : БГУ, 2008. – Вып. 3. – С. 219–234.

Горидовец, В. В. История Витебской Духовной семинарии начиная с 1785 года по 1918 годы / В. В. Горидовец // Адукацыя на Віцебшчыне: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы рэсп. навук.-практ. канф., Віцебск, 30–31 сак. 2010 г. / рэдкал.: В. У. Акуневіч (адк. рэд.) [і інш.]. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2010. – С. 79–86.

Духовенство и война // Утро. – 1914. 4 сент. (22 авг.). – С. 3.

Корольчук, В. Д. Владимир Иванович Пичета (Опыт творческого портрета) / В. Д. Корольчук // Вопр. истории. – 1970. – № 8. – С. 72–85.

Милюшевић, З. Наше горе – памет (О чувеном бјелоруском историчару, академику Владимиру Пичети) / З. Милюшевић // Глас Српске. – 2005. – 12–14 фебр. – С. 4.

Никон, архиеп. (Рклицкий, Н. П.). Митрополит Антоний (Храповицкий) и его время. 1863–1936 : в 3 кн. / архиеп. Никон (Н. П. Рклицкий). – Н. Новгород : Братство во имя св. Александра Невского, 2003–2012. – Кн. 2. – 2004. – 741 с.

Петренко, І. М. Полтавське Свято-Макаріївське єпархіальне братство [Електронний ресурс] / І. М. Петренко. – Режим доступу: <https://web.archive.org/web/2018050210256/http://history-poltava.org.ua/?p=1086>. – Дата доступу: 12.03.2023.

Пилипович, Р. Сербы в богословских учебных заведениях России во второй половине XIX века – мнение царского дипломата / Р. Пилипович // Русский сборник: исследования по истории России / ред.-сост.: О. Р. Айрапетов [и др.]. – М. : Модест Колеров, 2013. – Т. XIV. – С. 95–152.

Полтава историческая : сайт. – Режим доступа: poltavahistory.org.ua.

Полтавське єпархіальне братство ім. святого Макарія // Полтавщина : енциклопед. довід. / за ред. А. В. Кудрицького. – Київ : Укр. енцикл. ім. М. П. Бажана, 1992. – С. 743–744.

Рождественская, М. В. Душан Иванович Семиз: «Сербская голгофа» / М. В. Рождественская // Опочининские чтения / Мышк. нар. музей ; Мышк. Опочин. б-ка. – Мышкин : Рыб. подворье, 1988. – Вып. 6. – С. 27–30.

Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу Полтавской губернии. – Полтава : Полтав. дворян. депутат. собр., 1898. – С. 568.

Указатель статей, помещенных в неофициальной части «Полтавских епархиальных ведомостей» за 25 лет издания их, с 1863 по 1888 год / сост. прот. П. Мазанов. – Полтава : Тип. насл. Пигуренко, 1888. – 197 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адрес-календарь Витебской губернии. На 1890 год / Витеб. губерн. стат. ком. – Витебск : Тип. М. Б. Неймана, 1890. – 335 с.

Асветнікі зямлі Беларускай. X – пачатак XX ст. : энцыкл. давед. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. энцыкл., 2001. – 490 с.

Беларускія рэлігійныя дзеячы XX стагоддзя: Жыццярысы. Мартыралогія. Успаміны / Нац. навук.-асвет. цэнтр імя Ф. Скарыны. – Мінск ; Мюнхен : Беларус. кнігазбор, 1999. – 720 с.

Блохин, В. С. История поместных православных церквей : учеб. пособие / В. С. Блохин. – Екатеринбург : РГПУ, 2004. – 244 с.

Гермоген, еп. Очерк истории славянских церквей / Гермоген, еп. Псковский и Порховский. – 2-е изд. – СПб. : Изд. И. Л. Тузова, 1899. – 255 с.

Гилфердинг Александр Федорович // Кирило-Методиевска Енциклопедия : у 4 т. / редкол.: Б. Ангелов [и др.]. – София : Българската академия на науките, 1985–2003. – Т. 1 : А–З / гл. ред. П. Динеков. – 1985. – С. 488–490.

Гојковић, Р. Знаменити Срби у руској историји / Р. Гојковић. – Лاپово : Колор Прес, 2015. – 207 с.

Горяинов, А. Н. В. И. Пичета как поборник единства славян и сторонник идей социализма / А. Н. Горяинов // Славянский альманах 2001 / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения ; редкол.: Т. И. Вендина [и др.]. – М. : Индрик, 2002. – С. 286–303.

Горяинов, А. Н. Трагическая страница биографии В. И. Пичеты в свете одной стенограммы 1928 г. / А. Н. Горяинов // Славяноведение. – 2002. – № 1. – С. 62–71.

Горяинов, А. Н. Протоиерей Иоанн Пичета и его потомки (из родственных связей Душана Семиза) / А. Н. Горяинов // Ученский сборник / отв. ред. О. Б. Карсаков. – Мышкин : [б. и.], 2003. – Вып. 4–5. – С. 86–94.

Гусев, Н. С. Сербь-емигранты в России, защищавшие интересы родины в годы Балканских и Первой мировой войн. Четыре портрета: М. М. Бойович, И. П. Табурно, Д. И. Семиз, Ч. М. Иоксимович / Н. С. Гусев // Столетие двух эмиграций. 1919–2019 : сб. ст. / редкол.: А. Ю. Тимофеев (отв. ред.) [и др.]. – М. : Ин-т славяноведения РАН ; Белград : Информатика, 2019. – С. 27–45.

Давидовић, Б. Срби у историји Русије / Б. Давидовић. – Београд : Нар. књ. – Алфа, 2003. – 124 с.

Дучић, Н., архим. Историја Српске Православне Цркве од првијех десетина VII в. до наших дана / Н. Дучић. – Београд : Држав. штампарија Краљевине Србије, 1894. – 372 с.

Дучић, Н., архим. Васељенска патријаршија и српско црквено питање / Н. Дучић. – Београд : Држав. штампарија Краљевине Србије, 1897. – 37 с.

Дучић, Н., архим. Историја Српске православне Цркве од првијех десетина VII в. до наших дана / Н. Дучић. – Београд : [б. и.], 2008. – 286 с.

Епископија Захумско-Херцеговачка / приред. С. Ћосовић. – Београд : Свет књ., 2006. – 261 с.

Енциклопедија српског народа / гл. и одг. уред. Р. Љушић. – Београд : Завод за уџбенике, 2008. – 1278 с.

Јовановић, Н. Лексикон 1000 личности у уџбеницима историје / Н. Јовановић. – Нови Сад : [б. и.], 2004. – 390 с.

Караџић, В. С. Преписка XII (1859–1862) / В. С. Караџић // Сабрана дела : у 36 књ. – Београд : Просвета, 1965–1998. – Књ. XXXI. – 1998.

Карасев В. Г. И. Х. Пичета (1844–1920) / В. Г. Карасев // Славяне в эпоху феодализма. К столетию академика В. И. Пичеты / редкол.: Л. В. Черепнин (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1978. – С. 135–149.

Корольчук, В. Д. Владимир Иванович Пичета (Опыт творческого портрета) / В. Д. Корольчук // Вопр. истории. – 1970. – № 8. – С. 72–85.

Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. / гл. ред. А. А. Сурков. – М. : Совет. энцикл., 1962–1978.

Куделко, С. М. О пребывании семьи В. И. Пичеты в Харькове / С. М. Куделко // Актуальные проблемы источниковедения : материалы междунар. науч.-практ. конф. к 135-летию со дня рождения В. И. Пичеты, Минск – Витебск, 9–11 окт. 2013 г. / редкол.: А. Н. Дулов (отв. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2013. – С. 96–97.

Лукиянов, Н. Напрасные тревоги (Из переживаний недавнего семинариста) / Н. Лукиянов // Полтав. епарх. ведомости. – 1914. – № 13. – С. 779–785.

Мала енциклопедија Просвета : у 3 књ. – 4-е изд. – Београд, 1986.

Народна Енциклопедија српска, хрватска и словенацка : у 4 књ. / ред. С. Станојевић. – 3-е изд. – Сремски Карловци ; Нови Сад, 2010. – Књ. 1.

Памятная книжка Витебской губернии. На 1889 год / Витеб. губ. стат. ком. – Витебск : Тип. губ. и Г. А. Малкин : Тип. наслед. М. Б. Неймана, 1889. – 910 с.

Пантелић Бабић, К. М. Херцеговачки соко Чедомир Милић / К. М. Пантелић Бабић, П. Д. Павловић. – Гацко-Ниш : Филип Вишњић, 2016. – 328 с.

Пилипович, Р. Сербы в богословских учебных заведениях России во второй половине XIX века – мнение царского дипломата / Р. Пилипович // Русский сборник: исследования по истории России / ред.-сост.: О. Р. Айрапетов [и др.]. – М. : Модест Колеров, 2013. – Т. XIV. – С. 95–152.

Пичета, В. И. Моя жизнь до 1905 года / В. И. Пичета // Российские и славянские исследования : науч. сб. / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. ред) [и др.]. – Минск : БГУ, 2009. – Вып. 4. – С. 301–326.

Пичета, В. И. Дневниковые записи 1944–1946 гг. / В. И. Пичета // Российские и славянские исследования : науч. сб. / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. ред) [и др.]. – Минск : БГУ, 2009. – Вып. 4. – С. 334–355.

Пичета И., *прот.* Факты и воспоминания из школьной жизни герцоговинца / *прот.* В. И. Пичета. – Харьков : Мир. тр., 1911. – 79 с.

Пичета И., *прот.* Факты и воспоминания герцоговинца на службе по духовно-учебному ведомству / *прот.* В. И. Пичета. – Харьков : Мир. тр., 1913.

Пичета И., *прот.* Общие сведения о народах славянского племени и частные о южных славянах, болгарях и сербах / *прот.* В. И. Пичета. – Харьков : Епарх. тип., 1915. – 33 с.

Пичета Иоанн Христофорович // Православная энциклопедия Харьковщины / сост. А. Д. Каплин. – Харьков : Майдан, 2009. – С. 382–383.

Полтавське єпархіальне братство // Полтавщина : енцикл. довід. / за ред. А. В. Кудрицького. – Київ : Укр. енцикл. ім. М. П. Бажана, 1992. – С. 743–744.

Православие. Библиографический указатель книг на русском и церковно-славянском языках за 1918–1993. – М. : Православ. Св.-Тихон. Богосл. ин-та, 1999. – 504 с.

Радојчић, Ј. С. Срби западно од Дунава и Дрине: биографије : у 3 књ. / Ј. С. Радојчић. – Нови Сад : Прометеј, 2009.

Регионы Беларуси : энциклопедия : в 7 т. / редкол.: Т. В. Белова (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2009– . – Т. 2, кн. 2 : Витебская область. – 2011.

Русский биографический словарь : в 25 т. / под ред. А. А. Половцова. – М. : Императ. Рус. ист. о-во, 1896–1918.

Сава (Вуковић), еп. Српски јерарси од деветог до двадесетог века / еп. Сава (Вуковић). – Београд : Евро ; Подгорица : Унирекс ; Крагујевац : Каленић, 1996. – 538 с.

Саџак, М. Преглед српске књижевности у Босни и Херцеговини у 19. вијеку / М. Саџак. – Бања Лука : Арт принт, 2010. – 342 с.

Симон Петљора та українська національна революція : зб. пр. Другого конкурсу петлюрознавців України / упоряд. та передм. В. Михальчук ; післям. Д. В. Степовик. – Київ : Рада, 1995. – 368 с.

Симон Петљора у контексті українських національно-визвольних змагань : Всеукр. наук. конф., присвяч. 120-літтю з дня народж. Симона Петљори, 14–15 травня 1999 р. : зб. наук. пр. / Нац. акад. наук України, Ін-т історії. – Фастів : Поліфаст, 1999. – 225 с.

Скрынченко, Д. У нас своя «Босния». Открытое письмо Членам Государственной Думы / Д. Скрынченко // Мин. епарх. ведомости. – 1908. – № 24. – С. 790–796.

Скурат, К. Е. История поместных православных церквей : в 2 т. / К. Е. Скурат. – М. : Рус. огни : АНС, 1994.

Славянофилы. Историческая энциклопедия / сост. и отв. ред. О. А. Платонов. – М. : Ин-т рус. цивилизации, 2009. – 733 с.

Степовик, Д. В. Симон Петљора та його родина: до 70-річчя його трагічної загибелі : док. і матеріали / Д. В. Степовик ; уклад. В. Михальчук ; ред. В. Полковенко. – Київ : Рада, 1996. – 318 с.

Соколовский, Л. Г. Протоиерей Иоанн Пичета / Л. Г. Соколовский // Моск. журн. История государства Российского. – 1998. – № 1. – С. 39–45.

Соколовский, Л. Г. История одной семьи: Йован Пичета и его потомки / Л. Г. Соколовский // Вопр. истории. – 1999. – № 9. – С. 136–142.

Титарь, В. П. Сестры Синяковы – харьковские музы футуризма [Электронный ресурс] / В. П. Титарь, А. Ф. Парамонов, Л. И. Фефелова. – Режим доступа: (DOC) Сестры Синяковы - харьковские музы футуризма | Andrey Paramonov - Academia.edu. – Дата доступа: 13.09.2023.

Українська літературна енциклопедія : в 5 т. / Ін-т літ. ім. Т. Г. Шевченка ; Гол. ред. Укр. радян. енцикл. ім. М. П. Бажана ; редкол.: І. А. Дзеверин (відповід. ред.) [та інш.]. – Київ : Гол. ред. Укр. радян. енцикл., 1988–1995.

Хилфердинг, А. Ф. Историја Срба и Бугара / А. Ф. Хилфердинг ; превео М. Ђ. Милићевић. – Београд : Књажеско српска књигопечатња, 1857. – Св. I. – 195 с.

Христианство : енцикл. слов. : в 3 т. / редкол.: С. С. Аверинцев (гл. ред.) [и др.]. – М. : Большая рос. энцикл., 1993–1995.

Церовић, Л. Срби у Белорусији / Л. Церовић. – Београд : М-во Реп. Србије за везе са Србима изван Србије, 1997. – 70 с.

Шавельский Г., протопр. Воспоминания о Витебской семинарии / протопр. Г. Шавельский // Ступени. – 2006. – №2. – С. 22–32.

Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі : у 5 т. / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1984–1987.

СОДЕРЖАНИЕ

Вводное слово	4
Родина, род, народ	10
Учеба в русских духовных школах	28
Труд на ниве просвещения в России	35
Ректор-сын по отношению к отцу	68
О переданной по наследству любви к истории	76
Основные работы И. Пичеты.....	84
Литература о жизни и деятельности И. Пичеты	86
Список литературы	90

Научно-популярное издание

Чарота Иван Алексеевич

**ИОАНН ПИЧЕТА
(1844–1920)**

Редактор *Ж. В. Запартыко*

Художник обложки *А. А. Рабкевич*

Технический редактор *В. П. Явуз*

Компьютерная верстка *И. В. Махнач*

Подписано в печать 20.09.2024. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 5,58. Уч.-изд. л. 5,38.

Тираж 35 экз. Заказ 569.

Белорусский государственный университет.

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.

Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Республиканское унитарное предприятие

«Информационно-вычислительный центр

Министерства финансов Республики Беларусь».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/41 от 29.01.2014.

Ул. Кальварийская, 17, 220004, Минск.